

АНДРЕЙ КРАСНИКОВ

СЕРЕБРЯНЫЕ
КОЛОКОЛЬЧИКИ

Андрей Андреевич Красников
Серебряные колокольчики
Серия «Федерация», книга 1

*текст предоставлен правообладателем
Серебряные колокольчики:*

Аннотация

Идеальный солдат. Снайпер, без тени сомнения глядящий в оптический прицел. Герой войны, образцовый курсант и пример для подражания. И лишь единицам известно то, что скрывается за яркой ширмой. Лишь единицы помнят падающее на планету небо, порывы обжигающего ветра и тихий шелест серебряных колокольчиков...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	30
Глава 3	53
Глава 4	75
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Андрей Красников

Серебряные колокольчики

Глава 1

Просыпаюсь поздней ночью. Над головой смутно просматривается ткань палатки. Некоторое время лежу, пытаюсь понять, что же меня разбудило. Затем, натянув одежду, выползаю наружу.

Осматриваюсь по сторонам. Я нахожусь на небольшой полянке, окруженной чахлыми деревцами. Звездный свет смутно прорисовывает очертания веток и листьев. Вокруг меня виднеются другие палатки. Точно, мы с классом отправились в путешествие на природу. Оборачиваюсь и вижу толстую тушку транспортного флаера, доставившего нас в предгорья.

Что же меня разбудило? Верчусь в поисках ответа, а затем отправляюсь на расположенный неподалеку пригорок. В голове едва слышно играет странная музыка, напоминающая перезвон колокольчиков...

Сегодня я, как обычно, открыл глаза за несколько минут до звонка будильника. Как говорит куратор, вырабатывается привычка к самоконтролю. Это, конечно, хорошо, но вот

повторяющийся изо дня в день каждое утро сон до сих пор заставляет меня некоторое время безмолвно смотреть в потолок своей комнаты, сдерживая непрошенные слезы. Как раз до того момента, как компьютер включает бодрящую мелодию, сигнализирующую о том, что пора вставать.

Душ и энергетический батончик постепенно прогнали остатки сонливости и заставили забыть о ночных видениях. Наступил очередной день, полный однообразных событий. Я выкинул в утилизатор обертку от батончика, натянул светло-серую униформу и вышел из комнаты в безлюдный коридор.

Для начала мне предстояла утренняя пробежка. Довольно странное, наверное, со стороны зрелище – по петляющей между деревьев тропинке, сосредоточенно пыхтя, мчит-ся нагруженный солидным рюкзаком двенадцатилетний подросток. Перепрыгивает через корни деревьев, уворачивается от веток и то и дело поглядывает на часы.

Кураторы хвалят, когда с каждым новым днем ты бежишь все быстрее. Если же это не получается, хмурятся и делают какие-то пометки в бумажном блокноте. Я довольно быстро догадался, что это больше психологический момент, а не реальные отметки – кто же в наше время пользуется бумажными записями, если можно просто наговорить заметку в коммуникатор. Но, когда вижу, что куратор открывает блокнот, все равно становится не по себе.

Тропинка закончилась полосой препятствий. Пришлось

подтягиваться на лесенке, прыгать по вкопанным в землю столбикам, а под конец – преодолевать яму с водой по проложенному на пятиметровой высоте тонкому брусу. Здесь уж как повезет – или тренируешь вестибулярный аппарат, или же – навыки плавания, если не сумеешь удержаться на брус. Сегодня мне повезло – прошел все десять метров и не упал.

Мельком глянув на часы, вприпрыжку побежал в душ. Там кто-то из обслуживающего персонала уже приготовил мне чистую форму – надевай и топай на завтрак, называется. Завтрак, впрочем, на базе – не предел мечтаний. Он состоит из какой-то жуткой смеси крайне полезных и одновременно крайне невкусных питательных веществ с витаминными гранулами. С добавкой весьма неубедительных ароматизаторов. Сегодня вот мне досталось нечто с запахом и вкусом красного лимона. Так, по крайней мере, мне сообщила женщина на раздаче.

Ковыряя ложкой странно пахнущую серую массу, я задумался о том, что за два года даже не удосужился узнать имя этой женщины. То времени нет, то сил...

За другими столами что-то ели такие же подростки, как и я. Глобального запрета на общение у нас нет, но куратор то и дело намекает на то, что, чем меньше мы друг с другом разговариваем и вообще видимся, тем лучше.

На экране, укрепленном над раздаточной стойкой, начались планетарные новости. Некоторое время я наблюдал за милой ведущей, трагическим голосом рассказывающей о по-

терях нашего флота в очередном столкновении около какого-то безымянного астероида. Под конец репортажа, правда, девушка воспряла духом и с гордостью заявила, что потери вероломного врага сопоставимы с нашими и даже превосходят их.

Я фыркнул и снова принялся за неаппетитную бурду. Куратор не зря уже второй год время от времени смотрит со мной выпуски новостей и детально их разбирает, заставляя меня учиться отличать факты от окружающей их шелухи.

А факты таковы. После первого удара по Короне-два мы потеряли около девяноста процентов корабельных верфей. Да, вот уже два года на столичной планете в спешном порядке возводятся новые. Но война все равно практически проиграна. Доступ к ресурсам ограничен – Корона-один, конечно, планета с изумительным, мягким климатом. Почти курорт, имеющий отличные аграрные ресурсы. Но вот залежей нужных для строительства кораблей тяжелых металлов здесь почти нет. Сейчас, опять же, имеющиеся крохи начинают усиленно разрабатывать. Но куратор на эту тему лишь тяжело вздыхает и говорит, что невозможно накормить несколькими кусками хлеба сотню голодающих.

Наш противник, сделав первый ход, не стал форсировать события и откатился к своей планете, третьей в системе. Подождал наш главный флот, ведомый потерявшим голову от ярости адмиралом, а затем при поддержке орбитальных крепостей выиграл генеральное сражение. С огромными поте-

рями. Но выиграл. И на некоторое время в нашей звездной системе воцарился вынужденный мир – сложно воевать, когда воевать нечем.

К сожалению для нас, у врага кораблей все же осталось больше. И верфи у него не пострадали нисколько. Так что спустя год боевые действия продолжились – с огромным преимуществом «трешек». Остатки нашего флота, потерпев несколько поражений, откатились назад. Мы окончательно потеряли Корону-два. Враг подошел даже к столичной планете, но здесь все же получил серьезный отпор и откатился обратно – теперь уже нам помогли орбитальные станции.

И теперь все ограничивается мелкими стычками в космосе. Обе стороны теряют корабли, не достигая никаких глобальных результатов. Но враги могут себе это позволить – их верфи работают на пределе мощностей, выпуская по несколько средних кораблей в месяц. А наши возможности на порядок слабее. Как говорит куратор, шансов у нас нет. В принципе. И держимся мы только потому, что враг все еще собирает силы для преодоления орбитальной защиты.

Мы, вроде как, воюем, но на самом деле это всего лишь агония. Агония побежденного государства, прячущегося за спинами орбитальных баз. Которые тоже не вечны.

Почти сразу после завтрака начались занятия. Обычный школьный курс. История Федерации и системы Короны, математика, языки – общий федеральный и наш внутрисистемный диалект. Все, как в обычной школе. Разве что уклон в

знаниях несколько специфичный. Химия, например, довольно сильно перекошена в сторону взрывчатки и отравляющих веществ, физкультура почти полностью посвящена рукопашному бою. Специфика учебного заведения, так сказать.

Сегодня основные занятия были по истории. Галактическая, как обычно, шла в поверхностном варианте, а вот внутрисистемная подавалась углубленно, с точек зрения и нашего государства, и Короны-три. Зачем это надо, я пока что понимаю смутно, но зубрю прилежно.

Куратор как-то очень даже недвусмысленно намекнул, что, чем лучше и старательнее я учусь, тем больше у меня шансов прожить долгую и счастливую жизнь.

После занятий я как раз к нему и пошел. Традиционная партия в шахматы, сопряженная с разговорами о будущем и настоящем. Одновременно отдых и очередная зарядка для ума.

Я постучался в стандартную светло-серую дверь, такую же, как и моя форма.

– Заходи, кофе остывает! – донеслось изнутри и я толкнул ручку.

Кабинет куратора был полной противоположностью всему остальному на базе. Приятная мягкая мебель, картины с пейзажами по стенам, мягкий ковер на полу, приглушенный свет... Сегодня к этому добавился запах свежесваренного кофе.

– Куратор.

– Крис.

Официальный обмен приветствиями, после которого можно расслабиться. Сесть в кожаное кресло, отхлебнуть горячий напиток. Кофе, давным-давно неведомыми путями попавший на нашу планету прямо с Земли и очень хорошо прижившийся, теперь занимал почетную нишу в планетарном экспорте. В последнее время, правда, наш экспорт равен нулю, но раньше...

– Что сегодня учил? – нейтральным тоном поинтересовался куратор, расставляя фигуры на доске.

– История... Ничего интересного. Первые конфликты между руководством колоний в системе.

– Ну, как ничего интересного... – куратор поскреб пятерней ежик седых волос. – Там же, можно сказать, причины всего, что сейчас происходит, заложены были. Кто, как думаешь, виноват был?

Он немного помедлил и осторожно двинул вперед пешку.

– Все были хороши, – я быстро двинул свою фигуру в ответ. – «Трешки» пытались превратить эту планету в свой курорт, мы пытались превратить их в свои мастерские, а Корона-два, имевшая шанс стать миротворцем, вместо этого быстренько прогнулась под нас. В итоге окончательное разделение внутри системы.

– А почему они так быстро сделали выбор?

– Союз добывающей и строительной планеты с аграрной и курортной гораздо перспективнее, чем с такой же добыва-

ющей.

– Ага.

– И еще, Корона-два гораздо ближе к первой планете, чем к третьей.

– Ага, – повторил куратор, рассматривая доску. – А еще что-нибудь интересное сегодня было?

Я, в свою очередь, посмотрел на доску. Самое начало партии, а уже какие-то неясные подозрения. Что-то готовится на клетчатом поле, но вот что – понять не могу.

– Видел планетарные новости. Мы опять разгромили врага и потеряли еще несколько кораблей.

Куратор невесело фыркнул, отхлебнул кофе и ничего не сказал.

– Когда они нападут на планету, как вы думаете?

Мой собеседник вздохнул, аккуратно поставил на стол чашку и, откинувшись на спинку кресла, прикрыл глаза.

– Еще не скоро, Крис, еще не скоро... Думаю, у нас есть еще несколько лет. Сначала они должны окончательно выбить наш флот. Затем скопить столько кораблей, чтобы преодолеть планетарную оборону. Это не так просто, а они однозначно сталкиваются с множеством трудностей при постройке. У них там идет работа на износ, я уверен.

– А затем? Вы считаете, что повторения того, что было, все же не случится?

– Смысла нет. Им не нужны руины, им нужна наша инфраструктура. Плантации, фермы, города... Так что, поверь,

после уничтожения орбиталок по поверхности будут нанесены только точечные удары.

Он снова наклонился к доске и переместил слона на пару клеток, давая мне иллюзию беззащитности своего правого фланга. Я не купился.

– Вы никогда не говорили толком, что мне придется делать в это время. Собственно, вы мне вообще ничего не говорили.

– Ну, сегодня как раз и скажу, – куратор взглянул на меня с хитринкой. – Заодно и поздравлю.

– С чем? – удивился я, оторвав взгляд от доски.

– Недавно прошло два года со старта нашей программы.

И начальство подвело первые итоги.

– И? – я окончательно забыл о шахматах.

– Что «и». По итогам этих двух лет ты попал в группу для продвинутого обучения. Я за тебя очень горд.

Куратор смотрел на меня и улыбался широкой, отеческой улыбкой. Вот гад, наверное, если бы я разговор не завел на близкую тему, то он бы и не почесался.

– И много нас попало в эту группу? – я старался на показывать волнения. Похоже, в моей жизни грядут перемены.

– Секретная информация. Впрочем, скоро ты сам все узнаешь.

– А как шел отбор?

Он пожал худыми плечами.

– Общая успеваемость, психика, самодисциплина, физи-

ческие показатели, коэффициент интеллекта и интуиции. Не знаю точно, отбор шел без моего участия.

– И что теперь будет?

– Да ничего страшного, не переживай. Переедем на новую базу, обучение продолжится. Скорее всего, появятся новые дисциплины. Ты не отвлекайся, твой ход.

Шахматную партию я бездарно слил. Мне было не до игр. Два года я уже здесь. Почти с тех самых пор, когда на Корону-два обрушилось небо. И вот теперь, похоже, этот этап моей жизни пройден.

Выходя из кабинета куратора, я вспоминал эвакуацию с горящей планеты.

Дым, колеблющейся пеленой заслоняющий горизонт. Неожиданные порывы обжигающего ветра. Едкий запах гари, забивающий нос. Едва различимые вспышки где-то высоко в небе. И посреди всего этого – кучка перепуганных подростков, цепляющихся за двух не менее перепуганных учителей. Потихоньку продвигающийся в нашу сторону пожар. И десантный бот, с ревом приземляющийся поблизости.

Мы все стояли, смотря на покрытую обгоревшей краской машину и не знали, что делать, полагаясь на учителей. Господин Тайлер и госпожа Акато, помню как сейчас, тоже замерли в неподвижности, со страхом рассматривая открывающийся люк. Но больше ничего страшного не произошло. Десантник в форме Коронного Содружества выглянул нару-

жу, осмотрелся по сторонам, а потом закричал нам, чтобы мы забирались внутрь, призывно размахивая рукой. И мы побежали, сразу поверив, что теперь с нами все будет хорошо. Побежали подальше от пылающего леса, гари и жгучего ветра. Побежали с планеты.

Когда наш кораблик оторвался от земли, какая-то девочка спросила, будем ли мы забирать ее маму. Вопрос так и остался без ответа, только госпожа Акато, обняв ее, тихо погладила по голове, баюкая, как новорожденного младенца.

Я ничего не спрашивал. Зачем спрашивать, если видел все происходящее собственными глазами.

Появившаяся передо мной дверь столовой прервала воспоминания. Проголодался я, как обычно, сильно. Кофе у куратора слегка отодвинул голод, но теперь он вернулся с утроенной силой.

К сожалению, обед – это трапеза, отданная под урок этикета. К счастью, обед – эта трапеза, на которую подают всевозможные деликатесы, объясняя, как их правильно есть.

Сегодня, если верить информационному экрану, собравшимся в столовой предстояло попробовать синих мидий. В очередной раз мне в голову пришла мысль, что первые колонисты совершенно не заморачивались с названиями, обзывая представителей флоры и фауны планеты по аналогии с обитателями далекой Земли. Сомневаюсь, что земные мидии имеют в длину полметра и плюются отравленными шипами.

– Синие мидии являются одним из самых распространенных на Короне-один деликатесов, – начала рассказ девушка на экране. – Они могут употребляться сырыми, запеченными и вареными. Сырую мидию перед употреблением в пищу обязательно нужно полить...

Старательно выполняя инструкции, я расправился сначала с порцией сырой мидии, затем – с печеной и, наконец, с вареной.

Печеная мне понравилась больше остальных. Возможно, когда-нибудь мне даже пригодится это знание в жизни.

Остаток дня прошел за выполнением домашнего задания, а вечером я отправился на очередную пробежку. В сумерках бежать было тяжелее, ветки возникали перед носом совершенно неожиданно, а корни, казалось, стали заметно больше и ветвистее. Но дистанцию я все же пробежал. А вот на бруске сплеховал. Свалился вниз, подняв тучу брызг и отбив о водную поверхность бок. Потом пришлось еще и сражаться с рюкзаком, упорно старающимся утащить меня на дно. Выполз на берег мокрым, грязным и злым. Хорошо еще, что непосредственных зрителей у меня, как обычно, не было в принципе. Если не считать нескольких камер, следящих за моими достижениями.

А затем меня ждал сюрприз. Часы на запястье пиликнули и выдали сообщение, предписывающее мне прибыть на посадочную площадку через десять минут.

Наскоро ополоснуться в душе и поменять одежду я все же

успел, хоть до места назначения и пришлось потом нестись со всех ног.

– Появился... Орел.

Мой куратор, гулявший по площадке, осмотрел меня скептическим взглядом и отвернулся. Я же, стараясь отдышаться после спринтерского забега, пытался вспомнить, что такое орел. Вроде, какая-то живность с Земли.

На площадке, ярко освещенной посадочными огнями, находилось довольно много народа. Отдышавшись, я насчитал, кроме нас, еще шестнадцать человек. Судя по возрасту – восемь таких же, как я, учеников вместе со своими кураторами. Лица всех смутно знакомы, но не более.

– Куратор? – вполголоса позвал я. – Что происходит?

Он остановился рядом со мной и поднял голову, рассматривая небо.

– Ничего особенного, Крис. Я же тебе говорил днем, что ты прошел на следующий уровень. Так что сегодня мы с тобой и этими парнями, – он махнул головой в сторону остальных, – отправляемся на новую базу.

– Так скоро, – вырвалось у меня.

Куратор неожиданно потрепал меня по волосам, взъерошив прическу.

– Не трусь. Там будет интереснее, вот увидишь.

Флаер появился неожиданно. Просто окружающая база темнота выплонула из себя бесшумный черный силуэт, а уже через несколько секунд он, заложив крутой вираж, мяг-

ко плюхнулся прямо по центру площадки, тут же выбросив два трапа. Машина спецназначения с пилотом-виртуозом. Я проникся.

– Бегом! – крикнул мне куратор, подавая пример.

Внутри флаер был пропитан функциональностью и одновременно удобством. Противоперегрузочные кресла, тактические экраны, показывающие вид по бокам аппарата, стойки для оружия, сейчас, правда, пустые. Еще я заметил шершавый ребристый пол, а затем куратор запихнул меня в кресло, пристегнул ремнями, нахлобучил на голову шлем, потом точно так же устроившись рядом. Стоящий в центре салона спецназовец – или кто там еще, – одобрительно кивнул и уставился на остальных. Прошло секунд двадцать, прежде чем он снова удовлетворенно кивнул, хлопнул по круглой красной кнопке на перегородке между кабиной пилотов и пассажирским отсеком, а затем шлепнулся в ближайшее свободное кресло.

Трапы шустро юркнули внутрь, двери закрылись, отрезая нас от внешнего мира, а еще через несколько секунд мягкий толчок возвестил о том, что флаер оторвался от земли.

Пара минут ускорения – и мы вышли на эшелон.

– Куратор, далеко нам лететь?

– Секретная информация, – ответил тот. Затем подумал и неохотно добавил: – Я и сам не знаю.

Полет в итоге продолжался около получаса. С какой скоростью мы летели и куда именно – я так и не понял. Но там,

где мы оказались, все еще был день. Скорость у флаера была изумительной.

Я вместе с остальными пассажирами выскочил из машины и она практически сразу же унеслась вверх, скрывшись в облаках. А нам осталось только обозревать окрестности.

Посмотреть было на что. Новая база располагалась в широкой горной долине, окруженной величественными скалами, на снежных шапках которых играли оранжевые блики от заходящего солнца. Но в самой долине было довольно тепло. Повсюду виднелась жизнерадостная травка, вдалеке текла маленькая речка, упираясь в такое же небольшое озерцо. Интересно, природное или искусственное? На берегах озера паслась какая-то живность, как мне показалось – обычные земные овцы.

Неподалеку от нас находилось несколько приземистых прямоугольных зданий светло-желтого цвета. На одном из них виднелся многогранник радиоэлектронной станции.

От зданий к нам быстрым шагом направлялся какой-то мужчина в камуфляжной форме.

– Думаю, нам туда, – заметил мой куратор, направляясь навстречу ему. Я зашагал следом.

– Капитан Дью Веббер, – козырнул нам встречающий и, не дожидаясь ответа, махнул рукой, приглашая всех в сторону зданий.

– За мной, – снова подал он голос, когда группа зашла в ближайшее.

Мы всей толпой послушно двинулись вслед за ним в громоздкий транспортный лифт и поехали куда-то вниз. Здесь капитан передал нас невзрачному человечку в аккуратном сером костюме, а сам уехал обратно. Мы же, выйдя из лифта, начали глазеть по сторонам, рассматривая обстановку. Хотя смотреть было особо не на что – несколько информационных экранов, диван, растения в огромных горшках...

– Кхм, – произнес человечек, требуя внимания. Я перестал рассматривать мониток, на котором медленно крутилась наша планета, и уставился на встречающего.

Тот осмотрел нас внимательными глазами и продолжил:

– Я являюсь одним из официальных консультантов проекта. Позднее вы получите памятки, где будет указано, как найти мой кабинет. Можете обращаться ко мне с любыми возникающими у вас вопросами.

Он немного помолчал, снова взглядываясь в наши лица и, по-видимому, ожидая, что мы начнем задавать вопросы прямо здесь. Но все молчали.

– Сейчас я проведу вас на ознакомительную встречу с руководителем проекта. Следуйте за мной.

Нестройной молчаливой толпой мы проследовали в небольшой уютный конференц-зал и расселись по стульям. Я заметил, что все старались держаться чуть обособленно, парами куратор-курируемый. Мы тоже сели чуть в стороне от ближайших соседей.

– Расскажите, что сейчас будет? – шепнул я куратору,

осматриваясь по сторонам.

– Понятия не имею, Крис, – последовал спокойный ответ. – Это же засекреченный проект, а я – лишь исполнитель не самого высокого звена, помогающий тебе в развитии. Здесь никто ничего не знает, кроме того, что вы должны в будущем послужить Содружеству.

Его откровенность, как обычно, заставила меня замолкнуть. Что тут еще спросишь.

Тем временем, на небольшое возвышение перед рядами стульев вышел еще один новый человек. На этот раз – пожилой седой мужчина в черном костюме, аккуратно облегающем заметный животик. Человек зашел за кафедру, расположенную по центру возвышения, нажал несколько кнопок, заставив включиться экраны у себя за спиной, а затем обратился на нас серьезный взгляд.

– Господа, я рад приветствовать вас всех на второй ступени нашего проекта. Меня зовут доктор Гришек Золь и я являюсь непосредственным руководителем проекта, в котором вы все живете уже больше двух лет.

Доктор Золь сделал паузу, отхлебнул воды из бутылочки и снова с серьезным видом посмотрел в зал.

– Два года назад всем вам был задан вопрос – хотите ли вы отомстить за смерть своих родных и близких. Вы ответили утвердительно. Более того, такой вопрос был задан еще девятьсот тридцати шести детям вашего возраста и все они согласились. К сожалению, первоначальные тесты отсеяли

огромное количество участников. Кто-то не подходил по интеллекту, кто-то – по морально-волевым качествам, кто-то – по физическим данным.

Он пожевал губам и сделал еще один глоток.

– В течение двух лет постепенно шел отбор. Практически каждый ваш день был тем или иным тестом. На сообразительность, на целеустремленность, на обучаемость. Вас осталось всего девять человек и это одновременно очень много и очень мало. Вас всего девять – это плохо. Но вы – лучшие. И это вселяет в меня надежду.

– А вот с пафосом можно было бы и не перебарщивать, – прошептал я на ухо куратору, но он только цыкнул в ответ.

– Теперь вы вступаете во вторую стадию проекта и пришла пора познакомиться с тем, к чему мы вас готовим. Итак, для начала, вы все уже в курсе, что война нами проиграна. Это позорный, но уже практически свершившийся факт, – доктор осмотрел аудиторию, но никто не собирался ему возражать. Ситуация давно стала для нас очевидной.

– Аналитики предсказывают, что окончательно война будет закончена через пять-восемь лет. Не раньше, чем через пять, не позже, чем через восемь. Это хорошие аналитики и я им верю. Это означает, что, максимум через восемь лет, Содружество окончательно перестанет существовать. Нас не станет, а Корона-один превратится в оккупированную планету. Скорее всего, наши граждане в рамках нового порядка потеряют основные права и свободы. Наша цель – дать им

шанс. Шанс на нормальную жизнь.

Золь допил воду из бутылочки и промокнул лоб салфеткой. Волнуется.

– У нашего проекта есть первоначальная задача, конечная цель и два пути развития. Первоначальная задача – это создание агентов влияния в диктатуре Короны-три. Полагаю, вы понимаете, что это значит, – он снова немного подождал, но никто не задавал вопросов. Мы все, я думаю, время от времени размышляли о том, что из нас готовят пусть не совсем простых, но все же смертников. На этом фоне агент влияния – чуть ли не помилование.

– В ближайшие пять лет с вами будут заниматься лучшие преподаватели Содружества. Вас научат всему, что пригодится вам для выполнения задачи. Помимо этого, все эти пять лет будут прорабатываться ваши легенды. Вы получите новые истории. Вы станете детьми туристов, торговых представителей, дипломатов из диктатуры, оказавшихся на нашей планете в момент начала войны. И вам нужно будет, используя все полученные здесь знания, вжиться в новое общество. Стать его полноправными членами. А затем выполнить возложенную на вас миссию.

– И сколько времени это займет? – задал вопрос парень, сидевший немного впереди нас.

Доктор тяжело вздохнул, пошарил глазами по полу, а затем снова поднял их, с тоской смотря на нас.

– Годы. Скорее всего – десятилетия. Возможно, в тот мо-

мент, когда у кого-то из вас появится возможность что-то сделать для своего бывшего государства, вы будете уже глуповатыми стариками.

Я попытался представить себе, как живу десятки лет, вынашивая в голове планы мести. Представлялось так себе...

– Это будет трудно, – словно прочитал мои мысли доктор. – Но вы – лучшие кандидатуры на то, чтобы справиться с этим. Все вы помните вашу родную планету. И все вы не хотите ее забывать.

У меня в голове, словно по волшебству, раздался тихий перезвон колокольчиков. Я прикусил губу и колокольчики неохотно смолкли.

– А что конкретно нам будет нужно делать? – осмелел еще один мой коллега.

Доктор прикрыл глаза, словно собираясь с мыслями.

– Официально ваша задача сформулирована следующим образом. Вы должны, самостоятельно выбрав время и место действия, использовать весь потенциал имеющегося у вас на этот момент времени положения в обществе для того, чтобы изменить в лучшую сторону жизнь граждан Коронного Содружества.

Он открыл глаза, помолчал и добавил:

– На практике, как я уже говорил, это может означать один из двух подходов. Дипломатия, а также культурное влияние высшего уровня. Или террор планетарного масштаба.

Я невесело хмыкнул про себя. Все же – смертники.

Доктор Золь продолжал что-то рассказывать о нашем будущем, но в моей голове, заглушая его голос, крутился один и тот же вопрос – не послать ли все это куда подальше. Мою жизнь, получается, уже расписали до самой смерти – сначала обучение с утра до ночи в течение нескольких лет, затем постоянная жизнь в страхе быть раскрытым, а как концовка – самоубийственная операция без шансов на спасение. Оно мне надо?

Я с некоторым удивлением понял, что до сих пор не воспринимал происходящее всерьез. Нас могли готовить для десанта, для того, чтобы мы стали офицерами сил планетарной обороны, да много для чего. И мы все... ну ладно, только я, – тешили себя мыслью, что это будет нечто героическое. А придется, похоже, убивать невинных...

В ушах снова зашелестел едва слышный перезвон колокольчиков и я сердито махнул головой.

Куратор, похоже, поняв мое состояние, легонько сжал мне локоть и шепнул на ухо:

– Не дергайся... Поговорим позднее...

И моя вспышка как-то угасла. Куратору я привык доверять. Возможно, это достаточно глупо, учитывая всю схему проекта, в котором я оказался, но все же.

Доктор продолжал разговаривать.

– После нашего брифинга у всех вас будет свободное время для того, чтобы ознакомиться с базой и своими новыми апартаментами. Со следующего дня вам предстоит провести

месяц в лабораторном отсеке. Поверьте, вы выйдете оттуда совершенно другими людьми. А сейчас, как я уже сказал, предлагаю разойтись по вашим квартирам и потратить время на адаптацию. Всем спасибо.

Золь неуклюже изобразил поклон и быстро ретировался. А мы потихоньку направились к тому выходу, около которого стояли двое людей в неизменных костюмах, держа в руках по охапке каких-то пакетов.

– Ваши комплекты, – мазнув взглядом по нашим лицам, произнес один из них. После чего сунул один пакет в руки мне, второй – куратору и жестом предложил проходить дальше.

Я заглянул в пакет. Красивый, переливающийся голограммами бэйдж, тонкая брошюра, новенький коммуникатор и ключ-карта, по-видимому, от моего нового жилища.

– Пойдем, – махнул мне рукой куратор и мы пошли.

Найти наши апартаменты удалось минут через десять – пришлось спуститься на ярус ниже и немного попетлять по коридорам.

Новое место жительства мне понравилось. Уютно, просторно, технологично. Сняв обувь, я заглянул во вторую комнату, оказавшуюся спальней, в ванную, а потом вернулся в гостиную, где застал куратора, сидящего в кресле и задумчиво смотрящего на меня.

– Как вам? – я обвел рукой вокруг себя.

– Иди-ка сюда, Крис, я хочу, чтобы ты кое-что послу-

шал, – внезапно сказал он и включил какую-то незатейливую мелодию на часах.

Немного недоумевая, я подошел к креслу и, повинуясь жесту, наклонился к нему. Куратор притянул меня еще ближе за воротник и, прикрывая рот ладонью, принялся быстро шептать:

– Слушай меня очень внимательно и просто молчи. Ни одного вопроса. Я хочу, чтобы ты прямо сейчас выбросил всю дурь из своей головы. Молчи, я сказал, мне плевать, есть в тебе эта дурь, или нет. Запомни одно-единственное. Из этого проекта ты теперь сможешь выйти только вперед ногами. Чтобы никаких мыслей и слов о том, чтобы встать в позу, уволиться, саботировать или что-то в этом духе. Сейчас у тебя один путь – делать то, что тебе скажут и делать это как можно лучше. Никакой самодеятельности. Тебе нужно пережить эти пять лет. Потом ты станешь гражданином диктатуры, если не совсем дурак. И только после этого ты будешь решать свою судьбу. Понял? Не сейчас. Потом. Сейчас ты будешь учиться. Учиться лучше всех.

Он сделал небольшую паузу. Я покорно ждал, согнувшись в три погибели.

– Наверняка нас прослушивают и записывают. Я говорю очень тихо, но все равно есть шанс, что голос расшифруют. Ты не скажешь мне сейчас ни единого слова. И никогда не вспомнишь про этот разговор вслух. Если меня будут про него спрашивать, я скажу, что провел профилактическую бе-

седу и советовал тебе не вставать в позу по поводу задания, а просто учиться. Говорил, что сейчас не время для глупых мальчишеских решений. И это действительно так. Если будут спрашивать тебя, ты можешь сказать то же самое – это будет правдой.

Куратор еще немного помолчал.

– Все. Мой прямой приказ – ни одного слова мне касательно этого разговора. Я не хочу знать твои мысли на этот счет.

Он отпустил мой воротник и я выпрямился. Некоторое время куратор изучающе смотрел мне в глаза, затем весело ухмыльнулся и поднялся с кресла.

– Ладно, ты тут располагайся, а я пойду посмотрю, куда меня поселили.

Потрепал меня по голове и вышел из комнаты. А я принялся изучать свое жилище, постаравшись выбросить из головы его слова. Получалось плохо.

Осмотрев все углы, нашел новый комплект формы, переделся и шлепнулся на кровать, прихватив с собой брошюрку. Неизвестно, почему информацию не загрузили в коммуникатор или местный компьютер – может быть, решили, что в бумажном виде будет удобнее.

В книжечке был план базы с подробными описаниями отсеков, номера для связи с различными здешними шишками, а также программа мероприятий на ближайшее время. Здесь меня несколько удивила строчка «генная модификация ор-

ганизма» – согласно расписанию, весь первый месяц на базе мне предстояло провести в медицинском центре.

Заинтересовавшись и немного испугавшись, я запросил у компьютера подробную информацию по этому поводу. Но появившийся список не содержал ничего сверхъестественного – итогом сложнейших модификаций должны были стать совершенно незначительные изменения в моем организме. Я стану чуть лучше видеть. У меня немного повысится реакция. Повысится болевой порог. Улучшится слух. Улучшится координация. Усилится иммунитет. Повысится слабая сопротивляемость ядам и очень даже сильная – известным сывороткам правды. Выровняется эмоциональный фон...

Я читал список операций и их предполагаемых результатов, потихоньку разевая рот от изумления.

Каждая операция – сложнейшая. Стоящие уйму денег препараты, оборудование, которое есть на планете в штучном количестве. Не говорю уже о врачах, способных все это проделать. А в итоге – сознательно совершенный пшик, пустышка. То, что могло сделать человека суперменом, в моем случае должно было лишь капельку улучшить организм. На пять-десять процентов от возможного.

Впрочем, это вполне логично. «Трешки» будут полными идиотами, если не обратят внимания на человека, демонстрирующего уникальные способности. А в моем случае все будет тихо и мирно. Я не смогу видеть в инфракрасном диапазоне, не смогу слышать ультразвук и уворачивать-

ся от пуль. Но я стану немножко лучше обычного человека во всем.

И это потихоньку начинало мне нравиться.

Спать я отправился, размышляя о масштабе творящегося вокруг меня. Если на каждого из нас придется по четырнадцать модификаций... В текущих ценах это, наверное, годовой бюджет маленького городка. А ведь это всего лишь одна небольшая часть всего замысла...

Так, размышляя о финансовой составляющей проекта, я и заснул.

Утром меня разбудил аккуратный стук в дверь моего жилища. Пришлось подниматься и идти открывать. Снаружи обнаружился немолодой лысый мужчина в белом халате поверх стандартного костюма.

– Доброе утро, Крис, – улыбнулся он мне. – С сегодняшнего дня я твой новый куратор. Собирайся, нам через полчаса нужно быть в медицинском блоке.

Глава 2

Я стою в темноте на пригорке, с легким испугом рассматривая окрестности. Не могу понять, что же меня разбудило, но тревожное чувство постепенно нарастает. В голове все так же играет едва слышная мелодия, напоминающая перезвон колокольчиков... Кручусь волчком, пытаюсь понять, откуда она исходит.

С одной стороны от меня виднеются силуэты гор, заросших лесом. С другой – светятся огни моего родного города. Почему-то не могу вспомнить его название. Некоторое время провожу в задумчивости, но воспоминание все не приходит и я забываю о городе.

Откуда идет музыка?

– Давай, парень, давай, напряги извилины, – профессор Ромус патетически вздернул руки, испепеляя меня негодующим взглядом.

– Господин профессор, я стараюсь...

– Старайся лучше! В космосе никто не станет ждать, пока ты вспомнишь все константы!

Астронавигация. Дичайший по своей сложности предмет, сплав физики пространства, математики и обеих геометрий. Зубодробительные формулы, описывающие гиперпространственные переходы. И мой несчастный мозг, пытающийся

хоть как-то их запомнить.

Проклятый профессор – настоящий фанатик. Перед ним стояла четкая задача – провести углубленную подготовку к изучению предмета. Но вместо этого уже третий месяц мы усиленными темпами изучаем стандартный академический курс. Так, по его мнению, надежнее. А то, что у ученика раскалывается голова от попыток понять материал – это его не волнует.

И угораздило же меня попасть в техническую группу. Математический склад ума, большие перспективы... тьфу. Парни из дипломатической параллели сейчас проходят какие-то интересные психологические тесты, моделируют правительственные переговоры, а я рассчитываю курс транспортника из одной звездной системы в другую. Причем, непонятно зачем – все такие вещи с самого начала освоения космоса обычно делают компьютеры, а не пилоты.

От профессора я выбрался выжатым, словно лимон. Благо, на сегодня у меня оставалось лишь одно занятие и оно входило в список любимых – специальный рукопашный бой.

Преподавал его мрачный жилистый сержант из какого-то неизвестного мне рода войск. Имени он за почти три года занятий так и не назвал, предпочитая, чтобы я обращался к нему по званию и в ответ называя меня рядовым. Ну, если ему так проще.

– Явился, рядовой. Смотрю, старикашка тебе совсем мозги высушил сегодня?

– Так точно, Сержант!

– Давай разминочный комплекс.

Разминка – это хорошо и приятно. К спортивным упражнениям я привык давно, еще со времен занятий на первой базе. Там и рукопашный бой был, но он кардинально отличался от того, чему меня учил сержант.

– Ты, рядовой, должен научиться двум вещам, – просветил он меня на нашем самом первом занятии. – Первое – это быть машиной для убийства. А второе – это быть деревенским дурачком, которого в детстве на два месяца отдали на курсы рукопашки и который там научился только тому, чтобы махать руками в сторону противника, а не в противоположную.

Вот в рамках этих двух направлений и шли наши занятия. Сначала мне предлагалось проводить бой в наиболее эффективном и жестком стиле, нейтрализуя противника за возможно меньшее время, а затем служить боксерской грушей, нелепо размахивая кулаками и пытаясь защищаться.

Довольно сложное дело, но я потихоньку приспособливался и переключатель в голове работал все лучше.

– Давай, давай, рядовой, че жмешься, как трусливое ссыкло? – и удар в голень, от которого я неловко отпрыгиваю, теряя равновесие. Сержант пользуется ситуацией и могучий кулак, не обращая внимания на жалкую попытку блока, достигает моего солнечного сплетения, заставляя скрючиться на полу в попытках втянуть в себя немного воздуха.

– Молодец, рядовой. Десять минут перерыв.

Сержант был явно доволен. Я продержался целую минуту, полностью выдерживая «деревенский» стиль боя. И пропустил финальный удар, так и не показав ничего из арсенала спецподразделений.

Для чего все это – мне доходчиво объяснил куратор еще перед началом курса. Перед нашими учителями стояла и стоит грандиозная задача – превратить каждого участника проекта в идеального агента. А это подразумевает как множество знаний и умений, так и маскировку этих самых умений. Сложно воспринимать кого-то обычным пареньком, если он в первой же драке демонстрирует навыки чемпиона по смешанным единоборствам. Вот и учат нас двум стилям – для дела и для любопытных глаз.

В этот раз Сержант особо не зверствовал и ничему новому меня не учил. Всего пара спаррингов, а теперь вот передышка. Да и задумчивый он сегодня какой-то.

– Ты в курсе, рядовой, что наши занятия заканчиваются? – внезапно огорошил он меня вопросом.

– Нет, – односложно ответил я, продолжая восстанавливать дыхание. – А почему?

– Полагаю, хотят выделить время для других предметов, – задумчиво проговорил он, усаживаясь на валяющийся на полу боксерский мешок. – За новостями следишь?

– Вообще – да, но сегодня еще не смотрел.

Сержант недовольно скривился.

– Жопа наступает, рядовой. Как-то незаметно она подкрадывалась, подкрадывалась – и вот появилась. Шесть часов назад «трешки» сбили к чертям одну из наших орбиталок. Потеряли несколько кораблей, понятно, ушли в космос, но дело уже сделано. В планетарной сети есть видео, как она падает в океан неподалеку от Локоста. То еще зрелище.

– Осталось еще одиннадцать.

– Да хоть тридцать, – досадливо скривился он. – Самое важное – начало положено. Понимаешь, что это значит?

– Факт уничтожения одной из орбитальных станций означает, что, во-первых, у нас практически не осталось космического флота, способного сражаться с противником и прикрывать базы, а во-вторых, у противника имеется эффективное оружие и ресурсы, позволяющие ему с минимальными потерями уничтожать значимые единицы планетарной обороны. В целом же это означает, что противник приступил к четвертой из пяти стадий войны. Скорее всего, четвертая стадия продлится два-три года, в течение которых будут уничтожены либо все, либо большинство орбитальных станций. После чего начнется пятая стадия, подразумевающая полный внешний контроль планеты и точечные удары с орбиты, после чего война будет окончательно проиграна.

Сержант удивленно вылупился на меня. Я в ответ пожал плечами.

– Все время забываю, рядовой, что ты у нас не простое пушечное мясо, – наконец ухмыльнулся мой наставник.

– А в моем конкретном случае это означает, что в меня будут впихивать еще больше знаний, – со вздохом произнес я. – Боюсь, сдохну до конца обучения.

– Не вздумай, – неожиданно серьезно произнес Сержант. – Ты здесь живешь в закрытом мирке и не особо представляешь, что творится снаружи. Уверяю тебя, картинка с инфоканала к реальности никакого отношения не имеет. Гражданское население в панике. Все понимают, что наступает задница, но сделать ничего не могут. Военным еще хуже. Мы просто готовимся к тому, что через некоторое время умрем. Все, без исключения. И, знаешь ли, боевой дух это не особо поднимает.

Видно, на моем лице что-то отразилось, потому что он понимающе хмыкнул.

– Думаешь – при чем здесь ты? А при том, рядовой, что, когда откуда-нибудь с орбиты меня изжарят плазмой, в последний момент своей жизни я буду думать о том, что один парнишка, которого я когда-то учил, выживет в этом аду, выберется наверх и через много-много лет отомстит не только за своих родных со второй планеты, но и за одного злобного, давно сдохшего солдата. И, рядовой, поверь, умирать я буду с улыбкой на губах.

У меня в горле встал ком и я не нашелся, что ему ответить. Впрочем, Сержант ответа и не ждал. Легко вскочив на ноги, он махнул мне рукой.

– Прощай, рядовой. Учись, как проклятый и, когда-ни-

будь, опрокинь за меня стаканчик.

После чего неспешно пересек зал и вышел, аккуратно затворив дверь и оставив меня в одиночестве.

Некоторое время я просидел на полу, разбираясь в своих мыслях. Сержант только что одним небрежным пинком сапога буквально выбил у меня из-под ног землю. До этого вся учеба воспринималась мной больше как нечто личное, касающееся только меня. Ну, еще, возможно, моих родителей. А сейчас...

С почти стопроцентной вероятностью враг уничтожит всех, имеющих отношение к силовым и правительственным структурам. С вероятностью в семьдесят-восемьдесят процентов частый гребень пройдет также по научной и культурной верхушке – нет никакого смысла оставлять в живых лучшие умы планеты. Кто знает, что им придет в голову? Вот и получается, что меня сейчас натаскивают по самым разным дисциплинам практически смертники. Люди, которые умрут, когда придет враг.

И все они сейчас из кожи лезут, чтобы впихнуть в мою голову знания, не потому, что жаждут заработать какие-то там деньги. Они тоже хотят, чтобы за них отомстили. Они лепят оружие. И сильно сдавший за три прошедших года доктор Золь, и Сержант, и даже эксцентричный профессор Ромус, вдалбливающий в меня астронавигацию.

Стало стыдно. За иногда проявляющуюся лень, за желание бросить все и выйти из проекта, за злость на учителей.

– Спасибо, Сержант, – прошептал я себе под нос, поднялся и вышел из зала.

Хорошее настроение потихоньку вернулось ко мне только во время обеда. Правду говорят, что пережевывание пищи способствует выделению каких-то там антидепрессантов.

Домой я отправился уже в нормальном расположении духа и по пути настроение только улучшалось. Я мельком глянул на часы – уже почти четыре, Миранда, наверное, уже у меня. Ее программа занятий другая, более короткая.

Мы познакомились полгода назад, на курсе общей психологии – как оказалось, на базе размещен не только наш проект, у девчонок тоже есть нечто подобное.

Она заговорила со мной первая. Говорит, ей тогда понравились мои глаза – серые, с легким голубым оттенком, похожие на осеннее небо. Ну, а мне она понравилась сразу вся, целиком и полностью – от стройных ножек, затянутых в белые брючки, до смеющихся карих глаз и длинных черных волос, в беспорядке рассыпавшихся по плечам.

Сначала мы просто болтали, встречаясь на уроках психологии. Затем начали встречаться, в столовой, в комнатах отдыха, в оранжерее. Уже через две недели я понял, что влюбился, окончательно и бесповоротно. Ее смех, улыбка, волосы... Наш первый поцелуй, случившийся как-то вечером на лавочке в оранжерее, окончательно выбил меня из колеи, утопив в чувствах с головой.

А затем как-то неожиданно мы стали проводить свобод-

ные часы в моем отсеке. Да, мне только недавно стукнуло пятнадцать, а Миранде – шестнадцать, в большом мире нас, наверняка, осуждали бы все подряд, но обитателям центра было плевать на то, чем мы занимаемся в свободное время. И мы пользовались этим на всю катушку, сбрасывая напряжение после тренировок и головоломной учебы.

Я подошел к своей двери, как обычно, с учащенно бьющимся сердцем. Пришла – не пришла? Карта, дубликат которой пришлось сделать для Миранды, попала в щель считывающей панели только со второго раза и тут же просигнализировала мне, что дверь открыта.

– Милый, это ты? – послышалось из дальней комнаты и я глупо улыбнулся.

– Я, сейчас приду.

Она, как обычно, валялась у меня на кровати полураздетая, кверху попкой, что-то читая на планшете. Увидев меня, появившегося в дверях, лукаво улыбнулась, махнула длинными ресницами и, отложив в сторону планшет, уселась на кровати.

– Ты такая красивая, – вырвалось у меня.

– Я знаю, – последовал игривый ответ и она потянулась всем телом, вызывая у меня легкую дрожь.

Откуда появился пистолет, я так и не понял. Просто в какой-то момент я обнаружил, что смотрю прямо в дуло стандартного полицейского фольк-шестнадцать, зажатого в хрупкой девчачьей руке.

А в следующий момент сверкнула вспышка и меня как будто ударили кувалдой. Стены и потолок крутанулись вокруг меня, затем обратно... Я снова ощутил себя уже сидящим на полу, привалившись к дверному косяку.

По униформе на груди быстро расползлось красное пятно.

Некоторое время я тупо рассматривал его. Рассматривал дырку в ткани, проделанную пулей. Рассматривал, как моей кровью потихоньку начинают пропитываться серые брюки. Затем с трудом поднял голову.

Миранда, положив ногу на ногу и наклонившись немного вперед, сидела на краю кровати, с любопытством рассматривая меня.

– Почему? – попытался спросить я, но на губах запузырилась кровь и вопрос перешел в кровавый кашель. Боль, отогнанная мгновенным выбросом адреналина, начала возвращаться.

– Что, козлик, не ожидал? – хихикнула она, вставая с кровати. Из ванной вышел мой куратор. Он-то что здесь делает? В глазах начало мутиться и я сконцентрировал все силы на том, чтобы продолжать видеть происходящее.

– Я сдала экзамен? – обратилась Миранда к куратору, улыбаясь и протягивая ему пистолет. – Если оставить его в таком состоянии, он умрет через полчаса максимум.

– Да, ты молодец, – улыбнулся куратор в ответ. Повертел в руках пистолет, а затем поднял его и выстрелил прямо в

лицо весело ухмыляющейся девушке.

Голову Миранды отбросило назад, стену спальни забрызгало красным. Тело секунду продолжало стоять, а затем рухнуло на спину.

Куратор перевел взгляд на меня. Я ответил тупым стеклянным взглядом. Сознание мутилось, я уже не пытался что-то понять.

– Не волнуйся, Крис, сейчас мы тебя подлатаем, – улыбнулся он и я услышал, как у меня за спиной открылась входная дверь. Затем наступила темнота.

Очнулся я как-то сразу, как будто по тревожной сирене. Открыл глаза и уставился в потолок, на яркие лампы. Почти тут же зажмурился и отвернулся от света.

– Отлично, Крис, ты проснулся, – раздался голос куратора. – Быстро перескажи, что с тобой случилось и дай анализ.

Я снова открыл глаза и уставился на него. Затем обвел взглядом все вокруг. Мы находились в стандартной медицинской палате, я валялся на кровати, перебинтованный и утыканный иголками от капельниц, куратор, накинувший белый халат, сидел рядом. Лысина в свете больничных ламп сияла особенно сильно.

– Давай, Крис, разбор по горячим следам.

– Я пришел домой. Там была Миранда. Она хотела убить меня по вашему заданию. Стреляла в меня. Вы убили ее. Дайте попить.

Куратор протянул мне стакан с трубочкой и я некоторое

время жадно втягивал в себя живительную влагу. Затем откинулся на подушки и прикрыл глаза.

– Теперь анализ, Крис.

– Я не знаю, – перед глазами стояла улыбка Миранды в тот момент, когда она нажимала спусковой крючок.

– Подумай.

– Я не хочу думать, – сознание, похоже, одурманенное лекарствами, плыло и отказывалось производить какую-либо мыслительную работу. Образ Миранды с пистолетом сменился образом куратора, стреляющего в Миранду.

Единственное, что я понимал точно – в моей жизни что-то очень сильно поменялось.

В итоге, разбор полетов произошел только через три дня, когда медики подлатали меня достаточно для того, чтобы выпустить гулять на своих двоих.

– Итак, читай, – куратор пододвинул ко мне тонкую папку.

Внутри оказалось всего несколько листов. Кэти Тишо, оперативный псевдоним – Миранда Шоу. Фотография. Досье.

Моей Миранде было восемнадцать, а не шестнадцать. Ее звали Кэти. Ее натуральный цвет волос был платиновым. Она никогда не участвовала ни в какой программе, похожей на мою. Но она прошла столичную академию разведки. И еще – она была лесбиянкой.

Я некоторое время тупо листал взад-вперед тощее досье и молчал.

– Если не веришь, у меня есть полномочия предоставить тебе полное досье с видеоматериалами, – наконец, произнес куратор нейтральным тоном.

Я мотнул головой, закрыл папку и протянул ее ему.

– Итак, что ты думаешь? – куратор спрятал досье в портфель и откинулся на спинку кресла.

Думать было противно. Говорить – еще противнее. Потому что до истины я уже додумался за эти три дня и эта истина выставляла меня идиотом.

– У нее было задание, – глухо проговорил я. – Завязать со мной отношения, продолжать их долгое время и не раскрыться. Хотя ее легенда ей совершенно чужда.

Куратор одобрительно кивнул.

– За время своего задания она не выдала о себе ничего, кроме легенды, но узнала очень много информации от меня.

– Это точно.

– Именно поэтому вы убили ее.

– Все правильно.

На некоторое время воцарилось молчание. Я вспоминал сладостные мгновения, проведенные с Мирандой. Но воспоминания постоянно прерывались картинкой с дулом пистолета. И где-то на окраине сознания болталась мысль о том, что моя первая любовь была лесбиянкой, да еще и достаточно непримиримой, судя по досье.

А, значит, в постели удовольствие получал кто угодно, но только не она. Я скрипнул зубами, вспоминая, как гордился

тем, что такая девушка полюбила меня и как ей со мной хорошо. Чувствовать себя самовлюбленным малолетним кретином, которого с легкостью обвела вокруг пальца какая-то девчонка, было обидно.

Очень кстати вспомнилось, как выстрел вынес ей мозги на стену комнаты и я с легким оттенком благодарности взглянул на куратора.

– Итак, Крис, – нарушил молчание тот, – считай, что ты только что закончил один из специальных курсов. За историю человечества было громадное количество женщин-разведчиков и огромное количество разведчиков, провалившихся из-за женщин. Проект в целом и я в частности приноsim тебе извинения за этот курс. Но иначе было никак. У нас просто нет времени на то, чтобы ты сам набивал себе шишки на этом пути. Поздравляю, ты стал мужчиной, ты получил опыт любви и обмана.

– И пулю в грудь.

– Кэти была отличным стрелком. У нее были четкие инструкции – куда стрелять. Так что вся ситуация была полностью под контролем.

Я отвернулся и уставился в стену.

– Кстати, у тебя неделя отпуска. В течение всей недели у тебя в день будет всего два обязательных занятия – с психологом и, гм... с женским коллективом поддержки, скажем так.

– Что еще за коллектив поддержки?

– Ты уже взрослый, догадаешься сам. Считай, что это тоже нечто вроде психологической разгрузки после этого курса.

Психологу я наговорил много всего. Рассказал, что думаю о проекте, кураторе, Миранде в частности и всех женщинах – в целом. Седой очкастый дед, вертя ручку, практически ничего не говорил, лишь задавал время от времени короткие наводящие вопросы, открывающие все новые шлюзы в моих мозгах.

Все-таки, психологи – замечательные люди. Уже на второй сеанс я, полностью выговорившись, заметно успокоился. Обида и горечь немного отпустили и мы с дедом неплохо поговорили по душам. Собственно, в последний раз так откровенно я разговаривал еще со старым куратором. Новый тоже ничего, но я к нему все же так и не привык.

А вот в коллектив поддержки идти мне не хотелось совсем. Но пришлось и я в итоге ни разу потом об этом не пожалел. Не знаю, где ребята из проекта набирали персонал, но девушки легко затмевали собой то и дело мелькавших по телевидению моделей и актрис. Думаю, если бы не история с Мирандой-Кэти, я безнадежно и беззаветно влюбился бы в первую из них, с которой провел бы ночь. А сейчас образ Миранды, нажимающей на спусковой крючок, то и дело появлялся у меня перед лицом, начисто отбивая романтические чувства. Так что я исправно проводил время, стремительно расширяя свой сексуальный опыт, а затем просто ставил подпись у девушек на бланках и забывал о них. Не всегда

сразу, но забывал.

Черт его знает, наверное, вся эта схема должна была в итоге заставить меня не влюбляться во всех подряд, держать голову холодной и спокойнее относиться к постельным утехам. В итоге, примерно так все и получилось, на радость руководителям проекта. Из отпуска я вернулся выздоровевший, успокоившийся и готовый к новой учебе.

Которая не замедлила начаться.

– И что вы, молодой человек, уже водили в своей жизни? – поинтересовался у меня мой новый преподаватель. Пришлось признаваться, что ничего.

– Плохо, но ничего не поделаешь, – философски заметил капитан Золтан Шмурге, которому поручили обучать меня управлению транспортными средствами. – Придется дать всего понемножку. Аса из вас мы сделать уже не успеем, но краснеть не придется.

Учить меня он начал сразу всему. Уж не знаю, специальная это методика, нехватка времени или же просто пришедшая капитану в голову блажь, но полетать на флаере мне пришлось в первый же день занятий.

– Насколько я знаю, на ваше имя будут зарегистрированы документы в сети – права на управление наземным транспортом и флаерами легких гражданских категорий. Я, разумеется, научу вас летать на всех типах, но конспирация, сами понимаете...

Изнутри кабина флаера напоминала тесную капсулу, уве-

шанную множеством каких-то датчиков, переключателей, экранов... Увидев, с каким лицом я рассматриваю все это изобилие, капитан нахмурился и потащил меня к следующей машине в ангаре.

– Думаю, все же начнем с простенького.

Новый флаер отличался от предыдущего примерно так же, как велосипед отличается от спортивного гоночного болида. Джойстик управления, маленький дисплей с отображающимися на нем несколькими параметрами – и все.

На мой немой вопрос капитан пояснил:

– Это – самая дешевая гражданская модель. Скорость до двухсот километров в час, потолок – всего пятьсот метров. Ночью не летаешь, ничего кругом не увидишь.

– А тот? – я обернулся в сторону первого флаера.

– О, – расплылся в улыбке Шмурге. – Это специальная военная модель. Скорость – до двух тысяч, возможность суборбитальных полетов, возможность использования под водой, маскировка, сканирование во всех диапазонах, адаптивные стекла, бронирование, вооружение...

Чувствовалось, что за такую машинку он готов продать душу.

– Так, может, с нее все же начнем? Я постараюсь разобраться.

– Нет, – он с сожалением помотал головой. – Лучше я вас научу сначала на ногах стоять, а потом уже бегать будем.

Управлять флаером оказалось проще простого. Кнопкой

запускаешь двигатель, затем просто ворочаешь джойстиком – и машина аккуратно поднимается с земли, набирает высоту и поворачивается в разные стороны. Педалями задаешь ускорение и тормозишь.

На экране перед глазами отображается высота, скорость, запас топлива, карта местности. Просто, как сапог. Сделано так, что поймет даже идиот.

Капитан, сидевший в соседнем кресле, даже не следил особо за процессом, справедливо полагая, что я не дурак и сам разберусь во всем. Разве что выдавал задания:

- Сделайте облет долины пару раз.
- Произведите посадку и взлет десять раз.
- Приводнитесь на озеро.

Я даже пожалел, что обучение не началось раньше – фляером мог управлять и десятилетний ребенок.

Тот первый урок, наверное, был моим самым счастливым за последние годы. Управлять скользящей по воздуху машиной, рассматривать проносящуюся внизу землю – что может быть прекраснее? А самое замечательное произошло уже после того, как мы выбрались из кабины.

– Ну что же, в целом, у меня нет к вам замечаний, а это значит, что допуск к этой категории транспорта я вам выписываю. Больше на этой пичуге я с вами летать не буду, но она с этого момента закрепляется за вами и вы можете тренировать мастерство пилотажа самостоятельно. Если захотите, разумеется.

– Обязательно захочу!

– Вот и замечательно. А мы с вами, тем временем, начнем разбираться в более сложных экземплярах.

Когда я топал от ангара с флаерами в сторону дома, на коммуникатор пришло сообщение от куратора, предписывающее через полчаса прибыть на встречу в его кабинет. Немного недоумевая, я прибавил шаг. Куратор обычно сам вился где-то неподалеку, заходил в гости, но практически никогда не назначал встреч. С чего вдруг сейчас?

– Присаживайся, – поприветствовал он меня, когда я заглянул в кабинет.

Я забрался в уютное кресло и приготовился слушать новости.

– Ты уже в курсе, что война, по большому счету, вступила в предпоследнюю стадию, – мрачно произнес он, тыкая какие-то кнопки на сенсорном экране. – Соответственно, наш проект тоже потихоньку входит в завершающую стадию. Сколько она продлится – никто не знает. Возможно, пару лет. Хотелось бы, конечно, научить вас как можно большему, но придется многим жертвовать в угоду главному.

На стене загорелся дисплей с фотографией какой-то семьи. Мужчина, женщина, ребенок. Взрослые улыбаются белозубыми улыбками, пацан лет двенадцати серьезен.

– Знакомься, – кивнул куратор в сторону дисплея. – Это ты и твоя семья.

Однако же. Меня после пяти лет в проекте сложно чем-то

удивить, но все равно как-то неожиданно получилось.

– Амелия и Джерри Альт. Кристофер Альт.

Парень на фотографии действительно чем-то похож на меня. Тот же разрез глаз, та же форма лица, да и черты весьма-весьма близки.

Куратор, заметив, что я рассматриваю, утвердительно кивнул.

– Поверь, была проведена колоссальная работа. Граждан третьей планеты, оказавшихся у нас на начало войны, было не так уж и много, но подобрать подходящих удалось почти для всех вас. У тебя будет чуть ли не идеальное прикрытие и легенда.

– А у тех, кому не удалось подобрать?

– Они ушли из проекта, Крис. Ты не заметил, что вас осталось всего шестеро? Мы не можем рисковать, оставляя в проекте несовершенные детали.

Спрашивать про то, что случилось с отчисленными, я не стал. Меньше знаешь – крепче спишь. Думаю, этот мудрый принцип взят на вооружение всеми, кто дошел до этой стадии проекта.

– Что касается твоей легенды. Эти люди, – он кивнул в сторону фотографии, – уже два с половиной года как переселены в одну из правительственных квартир и находятся под строгим домашним арестом. Официальная позиция – контроль за гражданами враждебного государства. Собственно, так все и есть, надзор ведется за всеми «трешками». Просто

в этом конкретном случае он особо жесткий.

– Буквально недавно капитан Шмурге говорил мне, что на меня будут зарегистрированы права на вождение некоторых категорий машин. И как, спрашивается, тот Крис мог их получить при такой опеке?

Куратор приобрел чрезвычайно довольный вид, став похожим на кота, увидевшего банку сметаны.

– Не считай нас дураками, парень. Официальная позиция нашего государства – дети не должны страдать. Так что твой двойник каждый день под охраной ездит в спецшколу, где вполне себе нормально учится. Звезд с неба не хватает, астронавигацию никогда не изучал, но права на гражданские флаеры и легкие машины он в ближайшем будущем точно получит. Все под контролем.

– Ясно.

– Раз ясно, то смотри, что тебе предстоит. Отныне и до конца обучения у тебя теперь будут два обязательных занятия. Два часа вечером, перед сном, ты изучаешь свою новую биографию. Рассматриваешь видео, читаешь отчеты, просматриваешь досье. А по утрам мы с тобой разговариваем. Обычная болтовня про твою жизнь. Думаю, через пару лет ты точно все запомнишь.

Он скрылся за столом, копаясь в каком-то ящике. Затем вынырнул обратно и шлепнул передо мной гору вещей.

– Это – общее электронное досье, – он помахал у меня перед носом серебристым накопителем. – В принципе, можешь

читать просто на экране.

– Это – основное досье, которое тебе нужно будет выучить наизусть.

Нехилая такая папочка.

– Вот это все расставишь в комнате. Фотография родителей, диплом за третье место в школьных соревнованиях по бегу, прочая ерунда.

Куратор некоторое время помолчал, видимо, размышляя, стоит ли всучить мне еще что-то. Но решил, что, пожалуй, хватит.

– Будет с тебя. Забирай и изучай прямо начиная с сегодняшнего дня. Завтра уже будем разговаривать про твою семью.

У себя в отсеке я долго рассматривал общую фотографию, прежде чем поставить ее на полку рядом с кроватью. Улыбаются. Ничего не подозревают сейчас, наверное. Возможно, даже строят какие-то планы, надеются, что война скоро закончится и можно будет снова жить нормальной жизнью. А где-то на другом конце планеты сижу я, рассматриваю этот снимок и отлично понимаю, что их всех ждет.

Ни одна спецслужба не допустит того, чтобы прототипы, с которых были сделаны ее агенты, остались в добром здравии и имели шанс разоблачить свою копию.

Мрак. А самое неприятное – что эти мысли уже и не вызывают особых эмоций. После Миранды, наверное. Подумаешь, лишние три жертвы.

Я вздохнул и поставил, наконец, фотографию на стол, развернув ее так, чтобы лампа лучше освещала лица моей новой семьи.

Глава 3

Музыка становится все настойчивее. Кажется, что невидимый виртуоз играет совсем рядом. Чуть дальше, там, где стоят палатки, виднеется движение. Наш лагерь постепенно просыпается, наверное разбуженный непонятной мелодией.

Я все так же стою на пригорке. Тревога все еще кружит вокруг меня, но уже не так сильно. В конце концов, ничего страшного не происходит... Пока не происходит...

Порыв ледяного ветра заставляет меня съезжиться и обхватить плечи руками.

Мне кажется, будто небо в той стороне, где расположен город, начинает светлеть.

Флаер аккуратно приземлился во дворе какого-то мрачного серого здания. Я, будучи единственным пассажиром, спустился по трапу на бетон, отошел в сторону и осмотрелся. Замкнутое внутреннее пространство, расчерченное разнообразными кривыми линиями. Вокруг – стены, пестрящие черными провалами окон. И ни души вокруг меня. В наступающих сумерках это все выглядит достаточно тревожно.

Колыхнув мне волосы потоком воздуха, флаер ушел ввысь. А я, тяжело вздохнув, отправился вперед, туда, где виднелась дверь, освещенная парой непритязательных фо-

нарей.

Меня так никто и не встретил, пока я наискосок пересекал двор. За дверью тоже никого не было – лишь коридор, уходящий куда-то вглубь. Я отправился вперед, туда, откуда слабо доносились голоса.

Искомое помещение оказалось третьим слева. Я пару раз стукнул, дождался разрешения войти и открыл дверь.

В небольшой, скудно обставленной комнате, работал телевизор и разговаривали два человека, одетые в полицейскую форму. Незнакомые.

Старший, с капитанскими погонами, глянув на меня невыразительным взглядом, кивнул, указал на стоящее в углу кресло и снова отвернулся к коллеге. Я, не говоря ни слова, уселся в кресло и приготовился ждать.

По новостям крутили ролик, на котором остатки орбитальной станции падают в пригороде столицы. В первое время, как я знаю, правительство попыталось придержать это видео, но потом просто махнуло рукой. Очень сложно спрятать то, что видело миллионы людей.

Объятая огнем, разваливающаяся в полете машина размером с небольшую гору с кажущейся медлительностью спускалась с небес. У оператора немного дрожали руки и то и дело прорезались матерные комментарии, но видно картину было хорошо.

Километр до земли, пятьсот метров, сто... Касание. Вверх взвиваются клубы огня и пыли, дома, попавшие под ударную

волну, разлетаются, как щепки... Оператор опять вопит что-то нецензурное, а затем ударная волна доходит и до него – картинка летит кувыркком, останавливаясь через несколько секунд на кадре с небом. Видео заканчивается.

– Вот суки, – с ненавистью произнес один из полицейских, рассматривая экран.

Я промолчал, не имея понятия, до какой степени они осведомлены обо мне. Если они считают меня Кристофером Альт, то было бы весьма глупо высказывать солидарность и вообще вступать в разговор.

В коридоре раздались шаги и в комнату зашел еще один полицейский. Мельком глянул на коллег, повернулся ко мне и мотнул головой – мол, на выход.

У меня чуть было не вырвался удивленный возглас. Передо мной в форме полицейского стоял тот самый Сержант, который несколько лет назад преподавал мне рукопашный бой. Впрочем, он ничем не дал понять, что знает меня, так что я тоже сдержался и молча отправился за ним следом.

Некоторое время мы шли по полутемным коридорам в молчании. Потом он все же заговорил:

– Раз видеть тебя, рядовой.

– Я вас тоже, Сержант.

– Что дальше будет, знаешь? Легенду помнишь?

– После того, как наши космические силы сбили орбитальную станцию, упавшую в итоге рядом с Новой Венецией, напряжение в обществе достигло предела. Какая-то бан-

да напала на нашу квартиру. Оглушили охранников, а моих родителей зверски убили...

Мой голос слегка дрогнул. Преподаватель по актерскому искусству был бы доволен.

– Я был здесь, в школе. В связи с чрезвычайным положением меня задержали до завтрашнего утра. Сейчас в квартире работают полицейские, завтра там все уберут и отправят меня обратно. Говорят, виновные уже вычислены по данным видеонаблюдения и скоро будут задержаны.

– Отлично, – одобрительно кивнул Сержант. – Сейчас ты получишь пакет документов на свое новое имя, а утром я тебя сопровожу в квартиру. Будешь находиться под круглосуточным надзором и домашним арестом. Понятно, для твоей же безопасности. Суд, я думаю, пройдет через недельку. Готов к новой жизни?

– Готов.

– Ну-ну, – не поверил он мне, но ничего больше не сказал. В комнате, куда мы пришли, лежали мои новые вещи. Простенький серый костюм, сумка с нижним бельем, несколько рубашек, обувь.

– Полицейское управление изъяло все вещи для экспертизы. Для тебя были куплены аналоги.

И на том спасибо – не придется таскать на себе чужие трусы.

Помимо одежды, на столе лежал бумажник и коммуникатор. Что находится в коммуникаторе, я знал наизусть – точ-

но такой же остался в моей квартире не базе проекта. А вот документы... Я взял в руки бумажник и вытащил его содержимое.

Универсальное удостоверение pilota-водителя. Открыты первые категории в наземном и воздушном транспорте. Не густо.

Удостоверение личности. С него смотрю я сам – фотография была сделана год назад, так же как и отпечатки пальцев. Кристофер Альт, восемнадцать лет. В графе «гражданство» – ярко-красными переливающимися буквами отмечено «Корона-три». На обычных удостоверениях спокойным синим шрифтом указывается, что владелец – подданный Коронного Содружества, а здесь – четкая отметина, чтобы каждому было понятно сразу, кто перед ним.

Платежная карта Содружества. Подозреваю, что на ней ничего нет, но она тоже входит в комплект необходимых документов.

Вот, собственно, и все. Я сложил документы обратно в бумажник и переоделся в костюм. Сидит неплохо. Покрой, понятно, дешевый, но откуда взяться дорогим вещам у семьи, живущей за скудный государственный счет уже не один год.

– Теперь жди, – проинструктировал меня Сержант. – Можешь на диване поспать, заодно костюм немного помнется.

И я остался один.

Ждать – это самое муторное в любой ситуации. Я измерил шагами комнату, заново пересмотрел полученные докумен-

ты, залез в свой новый коммуникатор. Но мысли постоянно возвращались к завтрашнему дню. Моя учеба, наконец, закончилась.

Я больше не увижу своего лысого куратора, не увижу взбаламошного профессора, сумевшего-таки вложить в меня основы астронавигации. Не увижу больше никого с базы, долгих шесть лет бывшей моим домом.

По коже пробежал холодок. Большую часть своей сознательной жизни я готовился к этому моменту, но он все равно застал меня врасплох. Под крышей проекта я чувствовал себя избранным, которому создаются все условия для наилучшего развития. А сейчас меня, словно едва оперившегося птенца, выпихивают в реальную жизнь. И, судя по тому, как обставлен мой выход в свет, дальнейшая моя дорога точно не будет усыпана розами.

Устроившись на диване, я засмотрелся на трещинку в потолке. Интересно, остальные ребята отправились по своим легендам тоже сегодня? Скорее всего, нет. Зачем торопиться и делать все сразу. Время еще терпит, вполне можно решить все в течение пары месяцев.

В конце концов, над планетой болтается еще целых две орбитальных крепости. Толку от них, правда, никакого, но вторжение не начнется, пока они не свалятся вниз пылающими метеорами, как и остальные.

За последние три года наши враги действовали с неумолимой безжалостностью, обрубая Содружеству все возмож-

ности сопротивления. Одна за одной сбивались с орбиты защитные станции. Иногда между нападениями на них проходило несколько месяцев, иногда – всего пара недель.

После того, как была уничтожена седьмая из двенадцати крепостей, над планетой появились сразу два крейсера и в течение того часа, который понадобился, чтобы перегруппировать наши оставшиеся силы, точечными ударами выжгли космопорт, корабельные верфи и несколько воинских частей. А затем спокойно убрались обратно в космос, оставив нас зализывать раны.

После этого пропали даже теоретические шансы на победу.

Как раз в это время в нашей системе появился линкор Земной Федерации. Прошел по орбите планеты, собирая информацию и презрительно игнорируя попытки Содружества установить контакт, а затем ушел в сторону и лег в дрейф где-то между орбитами Короны-один и Короны-два. Этаким ненавязчивый мониторинг обстановки в зоне мелкого локального конфликта на окраине освоенного космоса.

Помню, в то время в прессе вскипела целая буря негодования в адрес Федерации, дистанцировавшейся от нашей войны. У нас же на базе гневные речи ведущих вызывали только грустные улыбки. Пару веков назад Совет Федерации, перестав справляться с выходками своевольных колоний, принял волевое решение и издал закон Янковского-Кайзера, согласно которому любая колония, не имеющая стратегическо-

го значения для Федерации, имела право на односторонний выход из нее.

Вот наша звездная система этим правом и воспользовалась, решив, что внутреннее управление гораздо лучше внешнего. Тем более, что у воспользовавшихся законом колоний оставались все связи с центральным государством. Никто никому не мешал жить, технологии и товары спокойно двигались во все стороны.

Но на какую-либо защиту и помощь рассчитывать больше не приходилось. Единственное участие Федерации в нашей войне наверняка свелось к наблюдению и одному-единственному контакту – с диктатурой Короны-три. Ее правителю должны были предложить поделиться технологией создания оружия, которое было применено на моей родной планете. И тот, я уверен, с радостью поделился, наверняка получив взамен очень много всего. Федерация в ультимативной форме заставляет раскрывать секреты военных разработок, но платит за них щедро.

Интересно, а есть ли у меня хоть какие-то шансы стать ее гражданином? Некоторое время я всерьез обдумывал эту мысль, но в конце концов решил, что шансы ничтожны. Значит, обойдусь как-нибудь.

В конце концов, мне все же удалось провалиться в сон.

На следующее утро я проснулся помятым, несвежим и с легкой головной болью. То ли воздух в здании был совсем спертым, то ли диван слишком неудобным. Но до прихода

Сержанта я уже более-менее привел себя в порядок.

– Готов?

– Да.

– Ну, тогда вперед.

Мы пробрались по извилистым коридорам и вышли на тихую улочку, на которой еще не до конца рассеялся утренний туман. Вокруг не было ни души, лишь неподалеку стояла потрепанная жизнью полицейская машина. Сержанта, доставая карточку, направился к ней, я поплелся следом.

Вся эта затея начала казаться мне ошибочной и неправильной.

– Шевели копытами, парень.

Грустно вздохнув, я отправил сумку с вещами на заднее сиденье, а сам устроился рядом с сержантом. Машина внутри казалась еще более древней, чем снаружи. Дисплей – и тот не работает, похоже.

Сержанта включил мотор и колымага неожиданно плавно тронулась с места. Минут пять мы ехали в полном молчании, а затем внезапно выскочили на довольно оживленную дорогу, сделали два поворота и остановились около вполне себе симпатичного многоквартирного дома.

– Вылезай, парень. Знаю, тебе тяжело, но государство не будет предоставлять тебе новую квартиру из-за этого.

Пора вживаться в роль. Роль, которую, если мне повезет, я буду играть много лет... Я с тоской осмотрелся по сторонам. По улице проносились машины, куда-то спешили ред-

кие прохожие. И всем было плевать на мои проблемы.

Я в очередной раз вздохнул и выбрался из машины.

До квартиры мы добрались без каких-либо происшествий. А затем Сержант ушел в жилище по соседству, пре-
вращенное в наблюдательный пункт, я же остался один в стер-
ильной, вылизанной и вычищенной до блеска квартире.

И просидел в ней восемь дней.

Я прочитал все, что было в коммуникаторе. Попробовал
поиграть в игры, которые там были. Переключал каналы те-
левизора. Мне было скучно, как еще никогда в жизни.

В коммуникаторе не было ничего, достойного внимания.
По телевидению крутили одни и те же новости, перемежаю-
щиеся пропагандистскими фильмами. Все это к концу зато-
чения в квартире вызывало у меня тошноту.

Сержант, раз в день приносящий коробку с продуктами,
полностью отыгрывал свою роль и разговаривать со мной не
собирался.

На восьмой день он принес не еду, а еще один костюм.

– Собирайся, через два часа будет суд над убийцами твоих
родителей.

– Их уже поймали?

– Да, три дня назад. Они даже не стали отпираться и пол-
ностью во всем признались. Следствие закончено, остался
суд.

Чувствуя себя неловко в новом неудобном костюме, я вы-
шел вслед за Сержантом на улицу и забрался все в ту же ста-

ренькую машину. Здесь Сержант в последний раз вышел из роли.

– Крайний инструктаж, рядовой. Само собой, их оправдают. Судья получил соответствующие указания, да и не сопротивлялся особо. Ты начнешь возмущаться сразу же после оглашения приговора. Вскочишь на ноги. Я постараюсь тебя успокоить. Ты должен будешь вытащить у меня пистолет и оттолкнуть в сторону. После этого у тебя будет несколько секунд. Чем больше выстрелов ты успеешь сделать – тем лучше для легенды. Точным должен быть только один. После этого я тебя вырублю и сделаю так, чтобы не пристрелили на месте.

Он немного помолчал, смотря на дорогу.

– Еще ребята просили передать, что будут очень признательны, если ты не убьешь никого из них.

Я кивнул. План действия был согласован и вызубрен еще на базе.

Городской суд располагался в красивом, но немного запущенном здании, отделанном настоящим натуральным камнем. По крайней мере, мне так показалось. Мы поднялись по широким ступеням, прошли сквозь пост охраны и, поблуждав по коридорам, оказались в зале заседаний. Здесь царило запустение. Даже воздух был каким-то спертым, затхлым.

– А где все? – поинтересовался я.

– Процесс начнется совсем скоро, подойдут.

Действительно, через несколько минут в зале появилось еще четверо полицейских, по очереди окинувших меня без-

различными взглядами. Затем появился важный человечек с портфелем – скорее всего, обвинитель.

Потом в зал под охраной ввели и усадили на скамью подсудимых троих мужчин средних лет, в которых уже я впился ненавидящим взглядом. Им, похоже, на это было все равно.

Последним на свое место пробрался тучный плешивый судья. Повозился немного, что-то рассматривая на дисплее, а затем обвел собравшихся суровым взглядом и стукнул молоточком.

И начался фарс.

Улик, собранных на месте преступления, было море. В доверок к ним прилагались видеозаписи, где задержанные, светя наглыми рожами в камеру, признавались в содеянном от и до.

– Обвиняемые, вы подтверждаете, что эти признания соответствуют действительности и даны вами без принуждения?

– Да, господин судья, – ответил средний из троицы. – Нам скрывать нечего.

Я сжал лежащие на столе руки в кулаки и стиснул зубы, прожигая его взглядом.

– Вы чистосердечно раскаиваетесь в содеянном?

Последовало непродолжительное молчание, после чего все тот же из троицы отрицательно мотнул головой и ответил:

– Нет, господин судья, мы не раскаиваемся. Эти уроды со-

згли нашу планету и скоро войдут в наши дома. Мы готовы убивать их когда угодно и где угодно.

На задворках моего сознания послышался легкий шелест колокольчиков и я мотнул головой, отгоняя наваждение.

Судья, казалось, задумался.

– Подсудимые, ваша вина в тяжком преступлении против личности признана несомненной, – наконец произнес он. – Вместе с тем, суд учитывает вашу готовность к сотрудничеству, ваше чистосердечное признание и ваши мотивы, которые, я уверен, в столь трудный для нашего государства час очень близки каждому жителю планеты.

Я поднял голову, уставившись на толстяка. Он постарался не смотреть в мою сторону.

– Властью, данной мне Коронным Содружеством, я объявляю вас виновными и приговариваю к службе на благо страны в одном из добровольческих отрядов, которые сейчас создаются на базе полицейских частей Содружества. Вам надлежит немедленно проследовать в расположение городского полицейского участка и пройти распределение. В случае неявки вы будете заключены под стражу. Свободны.

Судья стукнул молоточком и снова принялся что-то рассматривать на своем дисплее. Один из полицейских отправился к скамье подсудимых и принялся открывать наручники.

Я делал вид, что нахожусь в прострации и просчитывал свои будущие действия. Похоже, пора.

– Господин судья, они же убийцы... – я приподнялся со стула, переводя неверящий взгляд с судьи на ухмыляющихся мужиков. – Вы же видели, что они сделали с моими родителями... Мама...

– Молодой человек, после того, что произошло на Короне-два, у вас нет никакого морального права осуждать этих людей, – поджал губы судья. – Приговор окончательный и изменению не подлежит.

– Вы... вы... – я не мог подобрать слов.

– Офицер, успокойте вашего подопечного, – отвернулся от меня судья.

Рядом со мной поднялся сержант. Успокаивающе взял за плечо.

– Парень, успокойся. Ты все равно ничего не сделаешь. Смирись.

– Ничего не сделаю?! – я повернулся к нему, стараясь сделать как можно более бешеное лицо.

Отбросив держащую меня руку, я ткнул кулаком ему в нос. Сержант смешно мотнул головой и взмахнул руками, теряя равновесие. Словно пытаясь защититься, повернулся ко мне боком, подставляя кобуру.

Выхватить пистолет было легко.

– Вы... Гнилые, продажные твари... – Я вскинул оружие дрожащими руками и прицелился в разинувшего от изумления рот судью.

Выстрел. В стене рядом с толстяком появляется выбоина.

Выстрел. Стеклянными брызгами разлетается дисплей. Вот теперь пора. Выстрел. Голова судьи дергается назад. Во лбу виднеется отверстие от пули. Выстрел, выстрел. Одна пуля слегка задевает плечо уже мертвого человека, вторая опять попадает в стену.

Я повернулся в сторону скамьи подсудимых. Здесь тоже немая сцена с застывшими, словно изваяния, участниками. Выстрел. Пуля пролетает между двумя убийцами и попадает в деревянную перегородку. Во все стороны летят щепки.

В этот момент мне в голову прилетел чудовищный удар и я, выронив пистолет, рухнул на пол, теряя сознание.

Очнулся уже в какой-то тесной темной камерке. Все тело ныло, голова раскалывалась от боли. Скованные наручниками за спиной руки затекли и тоже болели. Но я был жив, а это – самое главное. Все получилось.

Если бы кто-то заглянул ко мне в это время, он бы здорово удивился, увидев улыбку на лице избитого заключенного.

Но за мной пришли еще не скоро. Я уже всерьез начал опасаться за сохранность рук, перетянутых сталью, когда в двери лязгнул ключ и ко мне зашли два бугая в полицейской форме. Меня рывком подняли на ноги, набросили на голову черный мешок, а затем от души двинули в солнечное сплетение.

Пару минут я был предоставлен самому себе, затем меня снова подняли с пола и куда-то потащили.

– Мешок снимите, – слышался чей-то недовольный го-

лос, когда мы остановились.

В глаза ударил яркий свет. Я, удерживаемый с двух сторон охранниками, находился в проходе, со всех сторон огороженным решетками. Рядом стоял очередной одетый в костюм деатель.

– Кристофер Альт, ваши действия были классифицированы как преступление высшей категории против личности и государства. Приговор – пожизненное заключение. Одиночная камера. Увести его.

Деатель, посчитав свою миссию выполненной, удалился, а меня потащили куда-то в глубь зарешеченных коридоров.

– Ага, одиночная, как же... – слышался шепот одного из конвоиров.

– Минут на пять, я думаю? – так же вполголоса произнес второй.

– Да, пойдет.

О чем они разговаривали, я понял только тогда, когда с меня сняли наручники и толкнули в общую тюремную камеру.

– Пять минут! – раздался голос сзади и дверь с лязгом захлопнулась.

На меня уставилось десятка полтора заключенных. Я точно так же уставился на них, изо всех сил пытаюсь привести в чувство руки. Драться с онемевшими руками – прямой путь в могилу. А драться мне, похоже, придется.

Я ожидал, что будут какие-то вопросы, на которые я апри-

ори отвечу неправильно и после этого меня уже начнут бить. Но ошибся. Вопросов никто задавать не стал. Они все просто поднялись со своих коек и молча пошли на меня.

Мне стало страшно. В кино герои в такой момент обычно думают только о том, каким эффектным ударом поразить очередного противника, а я, чувствуя лопатками холод железной двери, судорожно разминал руки и готовился к избиению. Потому что драться в полную силу мне было все равно нельзя.

Первый из них, приблизившись, просто и без затей ударил меня ногой в живот. Я постарался напрячь пресс, постарался увернуться, но позиция была слишком невыгодная. Пресс сложился, пропуская удар, а сам я сполз по двери, не в силах стоять на ногах.

Следующий размашистый удар ногой я умудрился принять на локоть, вызвав у кого-то болезненный крик. А затем чей-то ботинок впечатался мне в ребра и драка окончательно перестала мной контролироваться. Помню, что в какой-то момент, озверев от боли, я сумел точно пнуть одного из противников в колено, заставив сустав вывернуться в обратную сторону. Кажется, еще кому-то я сломал палец.

А потом в очередной раз меня поглотила темнота.

Не знаю, сколько в этот раз я провалялся в отключке. Но снова очнулся, как ни странно. Опять на больничной койке, только в этот раз прикованный к ней наручниками. Значит, все остается по-прежнему.

– С пробуждением, – поприветствовал меня кто-то с другой стороны кровати. Я обернулся.

Очередной человек в костюме. Лицо властное, жесткое, но смотрит без злобы.

– Я начальник этой тюрьмы, Андрэ Лебеф, – представился он. – И меня просветили насчет тебя.

Логика подсказывала промолчать и я промолчал. Неизвестно, кто там и что ему рассказал. Лебеф несколько секунд рассматривал мое ничего не выражающее лицо, затем одобрительно кивнул.

– Если бы меня не поставили в известность, то, боюсь, тебя бы уже не было на этом свете. Никто не любит «трешек», да еще и тех, кто занимается здесь убийствами. Так что у них не было выбора.

Он опять взял паузу.

– Особой помощи не жди. У меня есть единственная задача – не допустить того, чтобы тебя здесь убили или покалечили. В остальном старайся для себя сам. В случае чего подлатаем, конечно, вне очереди, медицинский отсек у нас здесь неплохой. Или вообще закроем тебя в одиночке, от греха подалее. Так будет даже лучше.

Выдав это сообщение, он поднялся и вышел из палаты, оставив меня наедине с капельницей.

Из больничного отсека я выбрался через неделю. Снова конвой, мрачные коридоры, решетки. И одиночная камера два на три метра. Кровать, санузел с унитазом, над которым

расположен душ, тумбочка, дисплей телевизора на стене, маленькое окошко.

И долгие часы в одиночестве, проводимые за бесконечным просмотром новостей. Да, я пытался поддерживать форму, до одури выполняя простейшие доступные мне упражнения. Но тюремный рацион был не то, чтобы очень питательным, поэтому силы быстро заканчивались и я опять принимался пялиться в экран.

Правительство, похоже, окончательно плюнуло на контроль за средствами массовой информации. И теперь по единственному доступному мне каналу шла дикая мешанина различных репортажей, аналитических сводок и прогнозов. Каждый журналист старался гнуть свою линию, а руководство телеканала, скорее всего, просто плюнуло на все. Не удивлюсь, если сейчас вся культурная элита государства находится в пьяном угаре, мешая алкоголь с наркотиками и проститутками. Что им еще делать-то. С собой в могилу много не заберешь, удрать с планеты практически нереально – вот и остается либо прятаться в каких-нибудь горах, надеясь непонятно на что, либо тратить накопленные богатства, пока есть возможность.

Спустя полтора месяца после того, как я оказался в камере, в океан рухнула предпоследняя орбитальная станция.

Репортажи стали настолько яркими, что я начал смотреть их уже с неподдельным интересом, пытаюсь анализировать информацию и угадывать мотивы авторов.

Наиболее патриотичные или же наиболее тупые журналисты пытались наращивать градус оптимизма и успокаивать народ. Мелькали давние кадры, показывающие неспешно пролетающий над планетой линкор Федерации. Говорились красивые слова о том, что в момент уничтожения последней станции Федерация возьмет процесс в свои руки и война закончится, не принеся особых неприятностей гражданскому населению. Да, правительство станет другим, но в целом ничего не изменится.

Слушая такие репортажи, я невольно задавался вопросом – а не работают ли их авторы не противника? Лучше всего сражается тот, у кого что-то отбирают. Убеди всех, что ничего ни у кого не отберут – и сопротивление заглохнет, не начавшись.

Сразу после обнадеживающих программ эфирное время получали другие авторы, с диаметрально противоположной точкой зрения. Отдельные представители журналистской братии вспоминали Корону-два и предрекали тотальный геноцид всего населения планеты. Здесь уже, скорее, создатели передач просто садились верхом на любимого конька и пугали народ, кто во что горазд.

Дальше шли беспристрастные репортажи из разных мест планеты.

Какой-то фермер на полном серьезе рассказывал, что собирается пару ближайших лет скрываться в собственноручно построенном бункере.

Прямо на базе полицейских участков создавались диверсионные школы, в которых таких же юнцов, как и я, учили стрелять из винтовок по флаерам и кидать гранаты в проезжающие машины противника. Идиотизм. После восьми лет, проведенных в проекте, я смотрел на своих сверстников, готовящихся воевать с захватчиками, с откровенной жалостью. Погибнут зря, да и все.

Кое-где люди потихоньку начали заниматься мародерством. Пока еще аккуратно, под покровом ночи. Но, чувствую, скоро начнут бить витрины и таскать с прилавков консервированные продукты и днем.

В отдаленной горной долине произошел ядерный взрыв. Ведущая предположила, что там находилась секретная лаборатория по разработке новейших вооружений, а взрыв произошел или из-за халатности, или из-за диверсии. Ну-ну. Очертания долины, даже страшно изменившиеся после катаклизма, были мне слишком хорошо знакомы. Проект, похоже, начал заметать следы и не стал размениваться по мелочам.

Еще через месяц последняя орбиталка была расщеплена на атомы прямо на орбите. И я начал морально готовиться к вторжению. Когда оно произойдет – через неделю, месяц, два?

Тюремщики, время от времени появляющиеся у дверей моей камеры, излучали откровенную ненависть. Я стал опасаться того, что могу не дожить до появления «трешек». На-

до будет держаться настороже. А то прибьют, дураки, перед самым прибытием моих новых земляков.

Репортажи по телевизору начали появляться все реже. Похоже, до журналистов тоже начало доходить, что последние деньки лучше провести с семьей или, на худой конец, в компании друзей и подруг.

Планета притихла в ожидании.

Я, монотонно меряя шагами крохотную камеру, тоже ждал перемен. Но я, в отличие от подавляющего большинства своих сограждан, ждал их с нетерпением.

Глава 4

Небо над планетой действительно светлеет. Вокруг меня стоят одноклассники, тоже забравшиеся на пригорок. Все вместе мы смотрим на то, как где-то далеко за облаками начинает играть красками полярное сияние.

Холодная и величественная красота. Мы с ребятами стоим и смотрим, разинув рты.

Интересно, они тоже слышат прохладную музыку колокольчиков?

Мне пришлось ждать еще шесть с половиной долгих месяцев. Не знаю, просчитывал ситуацию наш противник или же его просто что-то задержало в пути, но Содружество томилось в неизвестности больше полугода.

Потихоньку вся жизнь замерла. Правительство опустило руки и никак не влияло на ситуацию. Промышленность, не имея внятной цели для работы, практически полностью остановилась. Аграрный сектор еще что-то производил, но совершенно без энтузиазма. Какой смысл работать, если все, что ты сделаешь, у тебя отберут? Запасы в продуктовых магазинах таяли на глазах.

Добровольческие отряды, полгода назад преисполненные желания встретить врага с оружием в руках, рассыпались, а недавние защитники государства начинали рыскать по горо-

дам в поисках провизии, пополняя ряды мародеров.

Полиция как-то еще поддерживала порядок в крупных центрах, но энтузиазма становилось все меньше даже у нее.

Окончательное уничтожение планетарной обороны словно убрало подпорку, держащую Коронное Содружество на ногах. Зреющий долгие восемь лет нарыв лопнул и государство стремительно рушилось. Хоть как-то еще держалась армия, но и военные старались не высовываться за пределы своих баз.

Даже телевизионные энтузиасты скисли за полгода ожидания. Иногда, конечно, проскакивали интересные репортажи, но в целом ведущие просто уставшими голосами зачитывали информационную сводку, а потом включали видеонарезку.

Все произошло в один самый обычный пасмурный день, когда я, встав на тумбочку, смотрел в зарешеченное окно, наблюдая за прогуливающимися во внутреннем дворе заключенными. Начальник тюрьмы, очевидно, принявший близко к сердцу задачу по сохранению моей жизни, в итоге так и обрек меня на полностью одиночный режим, без прогулок. Так что людей я видел только в окно. Ну и еще в тех редких случаях, когда мимо камеры с инспекцией проходили охранники.

Где-то вдалеке, за тюрьмой, за крышами домов, примыкающих к ней, облака полыхнули яркой фиолетовой вспышкой. Я замер, еще не веря, что мое ожидание, наконец, закончилось.

Спустя пару секунд здание словно подпрыгнуло в воздух. Тумбочка вывернулась из-под ног и я не упал на пол только потому, что успел вцепиться в решетку. С потолка посыпались обломки штукатурки. Люди в тюремном дворе попадали на землю. А затем пришла ударная волна.

Низкий, выворачивающий душу, грохот. Ветер, принесший клубы пыли и острый запах озона. Медленно кувыркающийся в небе здоровенный обломок какого-то здания. Моргая глазами от пыли и морщась от гремящего в ушах звука, я замороженно наблюдал за его полетом.

Кусок бетона пролетел над тюрьмой и скрылся из поля зрения.

Не знаю, что послужило целью орбитальной бомбардировки, но враг не стал мелочиться, сразу зайдя с козырей.

– Мы прерываем программу передач для экстренного включения, – внезапно заголосил телевизор. – Несколько минут назад незаметно вышедший на орбиту планеты враг нанес массивный удар по планете! По поступающим сообщениям, произведено около полутора сотен точечных ударов по военным и правительственным объектам.

Я спрыгнул на пол и посмотрел на экран. Осунувшаяся ведущая, растрепанная, с синяками под глазами и испуганным взглядом, продолжала:

– Орбитальная бомбардировка продолжается. Мы рекомендуем всем, кто слышит это сообщение, держаться как можно дальше от значимых объектов военного и государ-

ственного назначения. Сохраняйте спокойствие и...

Что еще хотела сказать ведущая, я так и не узнал – в камере отрубился свет, телевизор тоже потух. Почти сразу же здание трянуло еще раз.

Я вытряхнул из волос попавшую туда штукатурку и задумался, осматриваясь вокруг. Освобождение близко, но не исключен вариант, что ко мне под шумок наведается какой-нибудь сбрендивший охранник. Хорошо бы раздобыть хоть какое-нибудь оружие, чтобы оказать сопротивление. Но, увы, оружия для заключенных в камере не предусматривалось. Тумбочка не разламывалась, унитаз не раскалывался, душ не отрывался.

В конце концов, я просто улегся на кровать и принялся ждать, время от времени ощущая новые толчки и слыша знакомый грохот.

Впрочем, никто ко мне в гости не спешил. Тюремщики, скорее всего, предпочли заботиться о спасении своей собственной жизни.

К вечеру удары с орбиты закончились. Началась наземная операция. Пару раз за окном с ревом проносились десантные транспортники, один раз с тонким свистом прошло звено атмосферных истребителей. Где-то вдалеке что-то взрывалось и грохотало.

Ночью все продолжилось. Я, даже не стараясь заснуть, смотрел в окно, любясь отблесками пожаров на низко стелющихся облаках.

К утру все стихло уже окончательно.

Никто из охранников так и не появился. Еды я тоже не дождался, о чем мне постоянно напоминал желудок. Тюрьма словно вымерла.

За весь следующий день не произошло ровным счетом ничего нового. Я лежал на кровати, экономя силы, из-за окна пару раз доносились выстрелы, но в целом все было тихо.

На третий день дальше по коридору принялся вопить какой-то заключенный, требуя еды. Крики доносились едва слышно – звукоизоляция в учреждении была отменная. Через пару часов его поддержал еще кто-то. Но их вопли не достигли ничьих ушей.

А утром четвертого дня везде зажегся свет и равнодушный голос из системы внутреннего оповещения произнес:

– Всем заключенным предписывается немедленно пройти во внутренний двор тюрьмы. Не выполнившие приказ и оставшиеся в камерах будут уничтожены.

Вслед за этим раздался щелчок замка и дверь слегка приоткрылась. Я соскочил с кровати и осторожно высунул голову в коридор. Рядом точно так же осторожно выглядывали из своих отсеков другие заключенные.

– Че, нас освобождают? – задал вопрос в пустоту тощий мужик из соседней камеры.

– А что, может быть, – воодушевился парень напротив меня и вышел в коридор.

Проход постепенно заполнился людьми. Я тоже вышел,

понятия не имея, в какую сторону идти, чтобы добраться до внутреннего двора. К счастью, нашелся какой-то местный знаток, который показал дорогу.

Нестройной неуверенной толпой мы выбрались во двор и присоединились к уже появившимся там заключенным. Люди нервничали. Кто-то всерьез рассчитывал на амнистию, кто-то опасался массовой казни. Я молчал и старался держаться на краю толпы, чтобы иметь, если что, шанс от нее дистанцироваться.

Через несколько минут открылась одна из дверей и во дворе появился взвод, по-видимому, десантников во главе с командиром. Командир осмотрел нас внимательным взглядом, что-то сказал в микрофон и дождался ответа, после чего сам себе кивнул.

– Заключенные, прошу выстроиться в шеренгу около вон той стены, – махнул он рукой, принимая от одного из десантников планшет.

Некоторое время мы молча стояли у стены, а он что-то тыкал на экране. Я думал о том, как бы подгадать момент и заявить, что я являюсь гражданином Короны-три. Не хотелось бы получить пулю из-за нервов какого-нибудь десантника.

Глаза командира, бегающие по экрану, зацепились за что-то и он удивленно улыбнулся.

– Заключенный Кристофер Альт, выйти из строя!

Я пару секунд оставался на месте, а потом, спохватившись, сделал несколько шагов вперед. Лейтенант – я сумел

рассмотреть его знаки различия, – с любопытством уставился на меня.

– Досье не врет? – поинтересовался он, кивая на планшет.

– Не врет, господин лейтенант. Я действительно полный правный гражданин Короны-три.

Он испытывающе посмотрел на меня, затем кивнул.

– В любом случае, гражданин Альт, вы амнистированы нашим правительством. Ваше дело будет разобрано на слушании специальной комиссии. Пройдите сюда.

Он снова уткнулся в планшет.

Я осторожно подошел к десантникам. Один из них, видя мою робость, покровительственно улыбнулся.

– Не бойся, парень, ты среди своих.

Лейтенант изучал содержимое планшета еще минут пять. Все это время во дворе царило гробовое молчание. Наконец, он опустил планшет и обвел взглядом толпу заключенных.

– Мной установлено, что ни один из вас не является ценным ресурсом для нашего государства. Все вы преступники и, согласно законам военного времени, вас ждет смерть. Встретьте ее с честью. Сержант! Привести приговор в исполнение.

Толпа у стены, осознав уготованную ей участь, взвыла дикими голосами. Кто-то бросился на колени, протягивая в нашу сторону руки. Несколько человек начали во все горло кричать, что они тоже являются гражданами диктатуры. Часть попробовала скрыться в дверях, из которых мы попа-

ли во двор. Двери оказались заперты.

– Огонь, – прозвучала негромкая команда рядом со мной и винтовки десантников плюнули смертью. На вооружении у них был явно штурмовой вариант, умеющий стрелять плазменными зарядами наряду с обычными гранатами и пулями.

Они и использовали плазму, залив свои цели огнем. По стене потек расплавившийся камень. А меня вывернуло наизнанку от запаха горелого мяса.

Затем все закончилось. Кто-то из десантников ободряюще похлопал по спине, поддержал за руку. Другой протянул бутылку с водой. Я благодарно кивнул, прополоскал рот и глотнул солено-сладкую жидкость. Явно состав для оптимизации водно-солевого баланса в организме.

– Оставь у себя. Пойдем, нужно будет отправить тебя в центр. Вам здесь в последнее время тяжело пришлось, так что диктат объявил первоочередной задачей восстановление вас в правах. Пройдешь проверку и станешь свободным, словно ветер. Даже подъемные обещают.

Из тюрьмы к транспорту мы шли уже в молчании. Десантники помнили о том, что находятся на враждебной планете и постоянно отслеживали потенциальные угрозы. Но ничего не произошло.

Трое часовых, дежуривших около машины, сместили меня удивленными взглядами, получили разъяснения и заулыбались. Один из них протянул мне какую-то колбаску.

– Держи, парень. Последние дни о вас там, наверное, ни-

кто и не вспоминал. Проголодался, небось.

– Спасибо, – от души поблагодарил я его. – Действительно пришлось поголодать.

Десантник еще раз улыбнулся и забрался на место пилота. Мы рассредоточились в салоне и машина с легким гулом ушла вертикально вверх.

– То и дело случаются различные инциденты, – увидев мое удивление, пояснил лейтенант. – Так что мы на всякий случай сразу уходим на высоту, чтобы не получить какой-нибудь подарок в борт.

Я кивнул и принялся пялиться в дисплей, заменяющий окно. Впрочем, после того, как мы поднялись выше облаков, смотреть там было особо не на что. Хотя облака сверху все равно интереснее, чем те же облака, но рассматриваемые через зарешеченное окошко.

Полет продолжался полчаса, в течение которого мне перепала еще одна колбаска. А затем мы вынырнули над столицей.

Когда-то красивый и величественный город сейчас являл собой жалкое зрелище. Проплешины от взрывов, дым, огни пожаров, разрушенный правительственный комплекс и горящее от разлитого топлива море.

Наш транспорт отвесно рухнул рядом с одним из сохранившихся закрытых парков. Гигантское куполообразное сооружение, внутри которого текут ручейки, растут деревья и прыгают по веткам завезенные с Земли пушистые белки.

– Пойдем, – пригласил меня за собой лейтенант. – Здесь оборудован центр помощи гражданам Короны-три. Оформим тебя, потом подождешь разбора своего дела. Думаю, за неделю справятся.

Оформление заняло довольно много времени. Лейтенант заполнял какие-то формы, скачивал информацию с планшета на местный терминал, снова что-то печатал. Наконец, процедура закончилась, местный управленец выдал мне браслет с номером и пригласил пройти внутрь. Я хотел было попрощаться с вытащившим меня из тюрьмы офицером, но он уже шел к транспорту. Десяток секунд – и машина уходит вверх.

– Проходите внутрь, гражданин Альт, будьте любезны, – повторил управленец, не подавая признаков нетерпения. – Сразу на входе вы можете получить новую одежду и горячую еду. Немного дальше оборудованы душевые и места для отдыха. Если будут вопросы, обращайтесь к волонтерам, это люди с оранжевой полосой на одежде.

Я прошел сквозь раздвижные двери и оказался в парке. Меня тут же взял в оборот какой-то улыбчивый парень с той самой полоской. Я не сопротивлялся и позволил провести себя сначала к пункту выдачи одежды, где мне дали увесистый тючок, а потом и к душевым.

Дважды вымывшись под слабыми теплыми струями душа и переодевшись в чистую коричневую одежду, я почувствовал себя словно заново родившимся.

– Столовая оборудована вон там, – показал мне рукой во-

лонтер. – Вашу старую одежду давайте сюда, я ее выкину. Если захотите спать, следуйте вон туда. Просто приложите браслет к одному из незанятых боксов и он зарегистрируется за вами. Если возникнут еще вопросы, обращайтесь или ко мне, или к любому другому помощнику.

– А сколько примерно это все займет? – поинтересовался я.

– Ориентировочно – около шести дней. Сейчас здесь находятся почти сто пятьдесят человек, но ежедневно проверяются около двадцати-двадцати пяти. У вас на браслете номер, – он ткнул пальцем в мою руку. – В центре парка есть большое табло, там показывается, какой номер в данный момент проходит проверку, так что вы всегда будете в курсе.

Поблагодарив его, я отправился в столовую. Здесь можно было наестся обычным армейским супом и стейками с рисом. Еще давали чай или кофе, на выбор.

Набрав себе еды, я занял столик у стены, рассматривая окружающих. Их было семеро, все в таких же коричневых одеяниях, все сосредоточенно ели, время от времени перебрасываясь репликами.

Я принялся жевать, думая над линией поведения. Быть чрезмерно общительным – глупо. Я только что из тюрьмы, да и последние девять лет, считай, в ней же и провел. Должен быть слегка нелюдимым. Да и кто они мне, в конце концов. Ну да, собратья по положению. Но и только. Так что решено, буду молчуном, держащимся в стороне.

Наевшись, я отправился искать место отдыха. Оказалось – вполне себе цивилизованные кабинки с закрывающимися дверцами. Внутри – шкафчик, стул и кровать, ничего лишнего.

Я закрыл дверь и с наслаждением вытянулся на мягком матрасе.

Опять потянулось ожидание. Я вставал с кровати, ходил завтракать, потом гулял по парку, стараясь избегать разговоров, рассматривал скалы, ручейки и озера, кормил с рук смешных пушистых белок загодя припрятанным хлебом. Затем опять – трапеза, прогулка, кровать.

– Молодой человек, а вы откуда? – в один прекрасный момент поинтересовалась у меня какая-то пожилая женщина, спугнув с руки очередную белку.

– Простите?

– Из какого города, я имею в виду, – расплылась она в улыбке.

– О, простите, не понял сразу. В последнее время я сидел в тюрьме, – улыбнулся я, рассчитывая увидеть испуг в ее глазах.

Не увидел, более того, на лице у нее отразилось искреннее сочувствие.

– Бедняжка. Сейчас многих вытаскивают из тюрем. Здешнее правительство совсем затянуло узлы. А ваши родители, их освободили?

– Нет, к сожалению, – я сделал бесстрастное лицо. – Их

убили, почти год назад, какие-то отморозки из местных.

– Ой, деточка, – она с испугом прижала руки к груди. – Прости меня, что я о таком напомнила.

– Ничего страшного, – выдавил я кривую улыбку. – Я это уже пережил. Простите меня, я пойду прогуляюсь.

Я углубился в парк, оставив ее терзаться угрызениями совести.

Наконец, пришла и моя очередь идти на проверку. Количество людей в парке за это время изменилось незначительно – кого-то выпускали, кто-то, наоборот, прибывал.

– Итак, молодой человек, присаживайтесь.

В комнате, где проводилась проверка, стоял стол, за которым сидел усталый человек в форме без знаков различия, перед столом стояло кресло, в котором я устроился, а по углам замерли два охранника с винтовками на изготовку. Интересно, возможно, были уже неприятные инциденты.

– Итак, вы утверждаете, что являетесь Кристофером Альт, сыном Амелии и Джерри Альт, полноправных граждан Короны-три и, соответственно, также претендуете на полное гражданство нашего государства.

– Да, наверное. В смысле, да, я их сын, а насчет полного гражданства – я не уверен, что точно знаю, что это.

Человек за столом кивнул, но ничего объяснять не стал, рассматривая что-то на экране.

– Факт вашего рождения подтвержден, но ваших отпечатков пальцев и сетчатки в базе данных нет. Впрочем, – поспе-

шил он меня успокоить, – вы покинули нашу планету в девять лет, а эти процедуры проводятся в двенадцать, при выдаче первого удостоверения личности.

Мне понравилось, как он расставлял акценты. Похоже, для него я уже был своим.

– Мы получили некоторые записи из отдела полиции, который осуществлял контроль за вашей семьей. Видеозаписи, конечно, не очень качественные, – он скривился в презрении к отсталым технологиям полицейских, – но все они служат подтверждением вашей истории. Вашу семью изолировали от общества. Вас, правда, взяли обучать по неплохой программе, на это у них совести хватило.

Человек некоторое время изучал экран.

– Что же. Думаю, я вправе подтвердить получение вами базового стандартного образования по нормам нашего государства. Увы, до расширенного вы не дотягиваете, к сожалению, – он с неподдельной грустью вздохнул. – Помимо этого, вы получили права на вождение базовых типов наземных и воздушных машин. Думаю, их я тоже могу подтвердить.

Он нажал что-то на экране.

– Дальше мне, к сожалению, придется затронуть болезную тему. Ваших родителей убили, убийц оправдали, но вы сумели прямо в здании суда отомстить за них. Не до конца, конечно, но, тем не менее, я восхищен. Ваша сила духа вызывает уважение.

– Спасибо.

– Вы, я думаю, догадываетесь, что здешнее собеседование – это, отчасти, формальность. Ваше дело было отправлено в аналитический отдел, изучено и я лишь знакомлю вас с итогами. Так вот, за ваши действия по защите справедливости в военное время вы представлены к военной награде «Меч Короны» пятой степени.

С удовольствием наблюдая за моей изумленной физиономией, он достал из ящика стола красную картонную коробочку и протянул мне.

– Поздравляю, гражданин Альт. Вы достойны этой награды.

Я открыл коробку и засмотрелся на медаль. Моя первая награда. За все девять лет обучения. И, по иронии судьбы, вручают ее мне враги.

Сама медаль была довольно скромная – покрытый черной эмалью металлический кругляш с выгравированным на нем белым мечом. Если мне не изменяет память, на медали четвертой степени меч становится красным. Затем – серебряным, золотым, а на высшей награде, сделанной из золота без всякой эмали, он выложен бриллиантами. Красивая вещь, вот только получить ее не очень сложно. Медаль дается за личные действия по восстановлению справедливости. Хотя вручивший ее мне человек и сказал, что она военная, но полицейская – было бы ближе к истине.

В коробке также нашелся комплект планок и какой-то листок.

– Там описаны ваши привилегии, как обладателя государственной награды, – пояснил человек, увидев мое любопытство. – Но вернемся к собеседованию.

Он снова что-то понажимал на экране.

– Ладно, гражданин Альт, не буду больше тратить ваше время. Думаю, вы уже поняли, что у государства нет к вам вопросов и оно радо видеть вас своим гражданином. Для вас в ближайшем будущем будет подготовлен комплект документов. От вас потребуется только пройти процесс сканирования отпечатков пальцев и сетчатки.

– Собственно говоря, – улыбнулся он, – все необходимое ждет вас в соседнем кабинете. Пройдемте.

Еще до конца не веря, что все действительно получилось, я прошел вслед за ним в соседний кабинет. Какие-то мило улыбающиеся девушки просканировали мне сетчатку, сняли отпечатки пальцев, сделали фотографию и попросили подождать. На удивление, ожидание затянулось всего на пять минут. Затем одна из них, внимательно смотрящая в монитор, просияла и повернулась ко мне.

– Гражданин Альт, ваши данные внесены в планетарную базу и переданы на коммуникационный центр на линкоре «Беспощадный». Ближайшим сеансом связи они будут переданы на нашу родину. Я вас от души поздравляю!

– Спасибо большое, – такие все вокруг счастливые, аж тошно. Но, наверное, есть специальная инструкция для поддержки своих граждан на этой планете.

Из громоздкого аппарата, стоящего в углу, тем временем выдвинулся металлический прямоугольник размером с обычную кредитную карту, но гораздо, гораздо толще.

– Это стандартный идентификатор нашего государства, – пояснила она, протягивая прямоугольник мне. – Вы освоитесь.

Я взял его в руки. Увесистый. С одной стороны на блестящей поверхности проступала фотография моего лица, сурового, серьезного. Хорошо еще, что я два дня назад наведалься в здешнюю мобильную парикмахерскую и привел голову в порядок.

Под фотографией было написано мое имя и номер, а также отметка о полном гражданстве диктатуры Короны-три. На обратной стороне не было ничего.

– Управление идентификатором осуществляется с этой стороны, – пояснила мне девушка. – Приложите указательный палец к любому месту.

Я послушался и на безжизненной поверхности появилось меню.

– Здесь информация о вашем личном банковском счете. Кстати, поздравляю, стандартная компенсация за перенесенные в военное время лишения уже переведена на ваш счет.

Я коснулся значка с перечеркнутой буквой К. Отобразилась информация о моем счете. На котором, как оказалось, лежало десять тысяч пятьсот стандартных кредитов. Ага, поступления... Десять тысяч пришли в виде компенсации, а

пятьсот – в качестве бонуса за получение государственной награды. Мелочь, а приятно. За эту сумму я, кажется, могу купить неплохой флаер или даже скромную квартирку. Не уверен, правда, что в условиях военного времени цены остаются такими же.

– Вы можете распоряжаться только вашим банковским счетом, – продолжала поучать меня девушка. – Все остальные данные обновляются автоматически при любом контакте с глобальной сетью. Это касается места вашей работы, семейного положения, государственных наград и много чего другого. Полную информацию с вашего коммуникатора могут прочитать только сотрудники правоохранительных органов. В случае, если у вас требует подтверждения ваших данных гражданское лицо, вы можете просто вывести на панель необходимый ему пункт и скрыть остальные. Ваши личные данные неприкосновенны для остальных.

– Спасибо еще раз.

– Не за что. Надеюсь, у вас все получится в новой жизни.

Я невольно вздрогнул, но она явно имела в виду совсем не то, что почудилось мне.

Сопровождаемый все тем же человеком из комнаты собеседований, я попрощался с девушками и отправился в следующий кабинет. Здесь сопровождающий пожелал мне всяческих успехов в жизни и откланялся. А я зашел внутрь.

Здесь меня встретила серьезная женщина с нашивками сержанта.

– Присаживайтесь, господин Альт. Меня зовут Николь О’Кин и я занимаюсь тем, что помогаю нашим гражданам адаптироваться в новой реальности.

– Добрый день, госпожа О’Кин.

– Согласно вашему досье, вы уже совершеннолетний и обладаете полным гражданством. В таких случаях государство обычно не вмешивается, предоставляя своему гражданину полную свободу выбора. Но, согласитесь, сейчас особые обстоятельства. И в связи с этим у меня возникает вопрос. Как государство может помочь вам?

Я сделал вид, что задумался.

– А какие есть варианты?

– Согласно вашему досье, вы обладаете стандартным базовым образованием. Государство может субсидировать получение вами расширенного или специального образования на Короне-три. В случае, если вы не хотите продолжать обучение, государство может доставить вас в любую точку на планетах системы и помочь с жильем и трудоустройством. Кстати, на этой планете в ближайшее время будет очень много работы.

Как-то не густо, на мой взгляд. И ничто из этого не подходило мне в глобальной перспективе.

– Госпожа О’Кин, а есть ли возможность поступить в армию? Скажем, в ту часть, которая вытасила меня из тюрьмы? Честно скажу, я ничего особо не умею из-за лет, проведенных под домашним арестом. А в армии, насколько я по-

нимаю, даже из последних неудачников могут сделать людей.

Сержант уставилась на меня с проклюнувшимся любопытством.

– В вашей биографии есть факт убийства. Думаете, вы способны делать это на профессиональной основе?

– Да, – как можно более твердо ответил я, стараясь отогнать от себя зрелище горящих в тюремном дворе людей.

– Хорошо... – с сомнением произнесла сержант. – В принципе, выше намерение вполне подпадает под понятие трудоустройства. В десант, понятно, вас не возьмут. Но на планету уже прибывают регулярные части для обеспечения порядка и подавления очагов сопротивления. Я полагаю, что смогу прикомандировать вас к одной из них. К сожалению, у вас нет никакой подготовки, так что вам будет трудно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.